

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

ЛII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БУХАРСКИЙ ВАКФ XIII в.

ФАКСИМИЛЕ

ИЗДАНИЕ ТЕКСТА, ПЕРЕВОД С АРАБСКОГО
И ПЕРСИДСКОГО, ВВЕДЕНИЕ И КОММЕНТАРИЙ
А.К. АРЕНДСА, А.Б. ХАЛИДОВА, О.Д. ЧЕХОВИЧ

МОСКВА • 1979

902.9
Б94

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

О. Ф. Акимушкин, А. Н. Болдырев, Ю. Е. Борщевский (ответственный секретарь),
И. С. Брагинский (заместитель председателя), *Б. Г. Гафуров* (председатель),
В. Н. Горегляд, П. А. Грязневич, Д. В. Деоник, И. М. Дьяконов, Г. А. Зограф,
Г. Ф. Ильин, У. И. Каримов, А. Н. Кононов (заместитель председателя),
Л. Н. Меньшиков, А. М. Мирзоев, М. С. Султанов, Л. С. Хачикян,
С. С. Цельникер, К. Н. Юзбашиян

Публикация уникального документа из Центрального государственного архива УзССР — вакуфной грамоты XIII в. на арабском языке. Документ дает ценные сведения для исследования хозяйственной жизни Средней Азии в период монгольского владычества.

Публикация предваряется введением, характеризующим значение документа для исследования социально-экономического положения в Бухаре XIII в.

Б $\frac{10602-186}{013(02)-79}$ 151-79. 0503000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

Полный список книг, изданных в сериях «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» в 1959—1976 гг., опубликован в брошюре «Памятники литературы Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий. 1959—1976». М., 1977.

Очередные издания серий:

Вышли в свет

СЕРИЯ
ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА
«ПЕРЕВОДЫ»

- IV. Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в капан экспедиции Бонапарта (1776—1798). Перевод, предисловие и примечания Х. И. Кильберг. М., 1978.
- VI. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.

СЕРИЯ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

- VII. Сутра о мудрости и глупости (Дзанлуидо). Перевод с тибетского, предисловие и примечания Ю. М. Парфионовича. М., 1978.
- XXXV. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В. С. Таскина. М., 1979.
- XLI. Кацурагава Хосю. Хокуса монряку (Краткие вести о скитаниях в северных водах). Перевод с японского, комментарий и приложение В. М. Константинова. М., 1978.
- LV. Юань Мэй. Новые [записи] Цы Се, или О чем не говорил Конфуций. Перевод с китайского, вступительная статья, комментарий и приложения О. Л. Фишман. М., 1977.
- LVI. Баоцзюань о Пу-мине. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Э. С. Стуловой. М., 1979.
- LVIII. Хунмин чоньм («Наставление народу о правильном произношении»). Исследование, перевод с ханмуна, примечания и приложения Л. Р. Концевича. М., 1979.

Готовятся к изданию:

СЕРИЯ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

- XLIX. «Сунь цзы» в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, введение, комментарий, грамматический очерк и словарь К. Б. Кепинг.
- LIV. Мйрзэ Бйди-дйван. Маджма* ал-аркям («Собрание цифр»). Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания А. Б. Вильдановой.
- LVII. I. Китайские документы из Дуньхуана. Вып. I. Факсимиле. Издание текстов, перевод с китайского, исследование и приложения Л. И. Чугуевского.
- LIX. Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). Перевод с вьняня, вступительная статья и комментарий А. Б. Полякова.
- LX. Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди («Чонди-монгол»). Перевод с бенгальского, вступительная статья, комментарий и указатели И. А. Товстых.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ТЕКСТ	45
ПЕРЕВОД	61
КОММЕНТАРИИ	81
УКАЗАТЕЛИ	91
ФАКСИМИЛЕ	105
SUMMARY	129

ВВЕДЕНИЕ

Публикуемый документ¹ составлен в Бухаре в конце XIII в., т. е. в то время, история которого до сих пор остается очень слабо изученной, главным образом из-за недостатка источников. В. В. Бартольд неоднократно писал о трудности изучения этой эпохи, так как от нее до нас дошло слишком мало достоверных известий, «рассказов очевидцев и современников среднеазиатских событий»².

Прошло уже более семидесяти лет после этих слов В. В. Бартольда, но историческая наука с тех пор не обогатилась среднеазиатскими источниками последней четверти XIII в. Все, что мы знаем, например, о Бухаре этого периода, черпается из тех же, давно использованных В. В. Бартольдом сочинений Рашид ад-дйна, Вақсәфа, Джамала Қарши и Ҳавәфи. Хронисты, уделявшие Средней Азии больше внимания (Джувайни, Нисави и Джүзджани), не дожили до конца XIII в., а написанные в XIV в. труды Ҳамдалаха Қазвини слишком мало касаются Мавераннахра. В результате нам известна в какой-то мере только политическая история монгольского государства, хронология царствований, описания феодальных распрей и битв между ближайшими потомками Чингиз-хана. Внутренняя жизнь покоренного народа, его экономическое и социальное положение остаются невыясненными, а между тем именно в это время складываются те основы общественной и хозяйственной жизни, которые определили особенности дальнейшего развития. Как раз в конце XIII в. здесь впервые замечается оживление хозяйства после разрухи, вызванной монгольским завоеванием. Хотя последствия разорений 20—70-х годов все еще сильно давали о себе знать, а хозяйство и культура, вероятно, не достигали уровня, имевшегося до монгольского нашествия, все же к концу XIII в. прослеживается значительный рост торговли и денежного обращения³, что

¹ ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, ед. хр. 1429/6 и 1429/20.

² В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, — Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 39; его же. <Туркестан под владычеством монголов>, — Сочинения, т. I, стр. 584.

³ См.: Е. А. Давидович, Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии после монгольского нашествия XIII в. (по нумизматическим источникам), — «Народы Азии и Африки», М., 1970, № 6, стр. 57—67.

было бы невозможно без определенных сдвигов в развитии земледелия и ремесла. Однако проследить эти сдвиги по тем источникам, которые были известны до сих пор, не удавалось.

При таком положении находка бухарского вақфного документа 1299 г. представляется событием, заслуживающим пристального внимания. Здесь мы находим достоверные данные о совершенно конкретных фактах социально-экономической жизни, среди которых: покупка крупным феодалом целой деревни с принадлежавшими ей орошенными землями в районе к северу от г. Бухары; постройка возле нее новой деревни, а в ней — ткацких мастерских, мельниц, сеновалов, жилых домов, мечетей и пр.; обращение всех этих недвижимостей в вақф в пользу потомков того же феодала и на религиозно-благотворительные цели.

Все это пока лишь единичные факты, но и они, по крайней мере для одного из районов, говорят о многом: прежде всего об оживлении ремесла (постройка новых ткацких мастерских, и притом не в городе, а в сравнительно отдаленной сельской местности); о развитии сельского хозяйства (обильное орошение пахотных земель и садов, разведение новых виноградников, постройка мельниц, сеновалов и т. п.); о росте населения (постройка нового населенного пункта, жилых домов и мечетей); об изменении общественно-политических условий, сделавших возможным сооружение новой деревни не на холме, где, видимо, из оборонительных соображений строили раньше, а внизу, ближе к полям и источникам водоснабжения.

Документ дает нам точное и достаточно детальное описание феодальной усадьбы, ее земель и посевов (пшеницы и ячменя), садов, виноградников (старых и новых), оросительной системы и ремесленных заведений в пределах одного крупного хозяйства. Вместе с тем он освещает во всех подробностях реальное воплощение в бухарской действительности XIII в. древнего института вақфа.

Публикуемый акт представляет собой вақфную грамоту, т. е. документ об изъятии из гражданского правооборота перечисленных недвижимостей с условием использования части их на благочестивые цели. Из текста видно, что обращенное в вақф недвижимое имущество лишь формально выходило из-под юрисдикции учредителя вақфа ('Абд ар-Раҳима Истиджаби), фактически же оно оставалось в его распоряжении до конца жизни. Затем оно должно было перейти в распоряжение лица, назначенного учредителем, в данном случае его сына Қутб ад-дйна Йўсуфа и его потомков мужского пола. Только в случае пресечения потомства этого сына вақфное имущество могло перейти в руки какого-либо из других сыновей учредителя и лишь в случае полного отсутствия потомков мужского пола — к его потомкам по женской линии.

В строках 145 — 173 нашего документа говорится, что только

Введение

избыточная прибыль, т. е. то, что останется из десятины дохода после расходов на постройки и ремонт зданий, оплату работников, рытье каналов и уплату налогов, должна была быть передана наследникам основателя вақфа в соответствии с нормами наследственного права. Само же имение не делилось между наследниками и оставалось целиком в распоряжении одного из сыновей, его мужских потомков и т. д. Отсюда ясно, что действительной целью вақфа было сохранение целостности имения: под благочестивым предлогом содержания религиозных учреждений старались обойти закон о дележе наследств и избежать дробления недвижимости.

Публикуемый документ дает ценные сведения по исторической географии, древней терминологии и топонимике. Найденный почти одновременно с арабским оригиналом персидско-таджикский перевод предоставляет нам редкую возможность проследить работу средневекового переводчика и процесс превращения частного акта, выработанного арабской юридической практикой (на основе более древней традиции), в документ, понятный местному населению.

Ближайшую параллель к публикуемому документу представляет вакфный акт из Кāшāна 703/1304 г., составленный тоже на арабском языке. Он опубликован Йреджем Афшāром в журнале «Фарханг-и Йрāн-замин» (Тегеран, 1335/1957), джилд 4, дафтар 1, стр. 122–138. Более древний арабский вакфный документ из Самарканда 458/1066 г. опубликовали в Париже М. Хадр и К. Каэн: Mohamed Khadr, Deux actes de waqf d'un Qarahānide d'Asie Centrale, avec une introduction par Claude Cahen («Journal Asiatique», Paris, T. CCLV, 1967, fasc. 3–4, стр. 305–334).

I

Желая осветить историческую обстановку, в которой возник публикуемый документ, мы должны прежде всего подытожить имеющиеся данные о состоянии хозяйства и социальных отношений в Бухаре XIII в.

Известно, что в 1220, 1238, 1263, 1273–1276 гг. Бухара подвергалась жесточайшим опустошениям; город был неоднократно разрушен и сожжен, жители перебиты монгольскими феодалами. Завоевательные походы Чингиз-хāна и его потомков прослежены В. В. Бартольд⁴. Более полный обзор варварских опустошений Бухары и ряд важных поправок в толковании источников сделал

⁴ Кроме указанных выше см.: В. В. Бартольд, Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, — Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 313–338; его же, Бухара, — Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 378–393; см. также: В. Spuler, Die Mongolen in Iran, Berlin, 1955.

И. П. Петрушевский⁵. По основному вопросу о последствиях монгольского завоевания точки зрения В. В. Бартольда и И. П. Петрушевского расходятся: если первый видел положительный результат в объединении монголами многих стран Азии в единое государство, то второй, сопоставив все данные об экономическом положении этих стран до и после монгольского нашествия, пришел к выводу о крайне отрицательных последствиях его для Средней Азии и Ирана. Исследования Е. А. Давидович вносят важный дополнительный материал по истории денежного обращения в Средней Азии и показывают, что здесь к 80-м годам XIII в. (т. е. раньше, чем в Иране) началось оживление экономики⁶.

Хроники Джувайни, Рашид ад-дина, Вацсафа и другие источники убедительно показывают, что монголы разоряли Мавераннахр не только в ходе завоевания, но и позже, в течение по крайней мере полувека после него. Жестокость завоевателей объяснялась стремлением Чингиз-хана терроризировать, запугать оседлое население, чтобы уменьшить силу его сопротивления. Ту же цель преследовали и его потомки при подавлении антимонгольских восстаний⁷. Но после того как весь Мавераннахр был окончательно завоеван, роковую роль сыграли междоусобицы Чингизидов.

Население среднеазиатских сел и городов, уменьшившееся в результате монгольского нашествия в несколько раз⁸, было так обременено налогами, что всего урожая не хватало на оплату даже и половины их⁹. Естественно, что крестьяне разбегались из родных

⁵ И. П. Петрушевский, Из истории Бухары XIII в., — «Ученые записки ЛГУ им. А. А. Жданова», серия востоковедческих наук, вып. 1, Л., 1949, стр. 103—118; его же, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.—Л., 1960, стр. 29—46.

⁶ Е. А. Давидович, Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии после монгольского нашествия XIII в. (по нумизматическим источникам), — «Народы Азии и Африки», 1970, № 6, стр. 67.

⁷ О крупнейшем восстании в Бухаре 1238 г. см.: The Tarikh-i Jahan-gusha of 'Ala'u'd-Din 'Ata Malik-i Juwaini, ed. M. Qazwini, pt I, Leyden—London, 1912; pt II, 1916; pt III, 1937 (GMS, XVI), стр. 85—90 (далее — Джувайни); В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 545—547; А. Ю. Якубовский, Восстание Тараби в 1238 г. (К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии), — «Труды Института востоковедения АН СССР», т. XVII, М.—Л., 1936, стр. 101—135.

⁸ Джувайни, pt I, стр. 17; Чан-Чунь, Си ю цзи, или описание путешествия на запад [Перевел, с прим. архимандрит Палладий], — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866, стр. 311.

⁹ Джувайни, pt III, стр. 77; Djami el-tévarikh. Histoire générale du monde par Fadl Allah Rashid ed-Din, ed. par E. Blochet, t. II, Leyden—London, 1911, стр. 312; Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, пер. с перс. Ю. П. Верховского под ред. И. П. Петрушевского, М.—Л., 1960, стр. 141 (далее — Рашид-ад-дин). См. также персидский текст и перевод И. П. Петрушевского в примечаниях к трудам В. В. Бартольда (Сочинения, т. I, стр. 564).

Введение

мест; культурные, плодородные земли оставались необработанными, оросительные сооружения разрушались. Некоторые области постепенно превращались в пустыни. Так было не только в Семиречье, но и в южных районах. По сведениям, сообщаемым Рашид ад-дин, 90% ранее орошенных земель во владениях Газан-хана в Иране (включая Хорасан) в начале XIV в. оказались пустующими¹⁰. Несколькими раньше, т. е. в середине XIII в., не в лучшем положении была и Средняя Азия.

Уменьшение фактически собиравшихся налоговых сумм заставляло монгольских ханов дважды (в 1235 и 1251 гг.) проводить налоговые реформы. Всякий раз делались попытки установить твердые нормы налогообложения. При Угедее было решено брать натурой по 10% урожая с земледельцев и 1% стада с кочевников; при Мункэ налоги исчислялись в денежном выражении от 1 до 11 динаров с человека¹¹.

Обе реформы не были проведены в жизнь полностью, так как монгольские ханы, правившие после Чингиз-хана, не могли заставить царевичей и других феодалов ограничиться взиманием только установленной нормы налога. Переход на денежное исчисление налога указывает на стремление монгольских властей оживить торговлю.

На кұрылтае 1269 г. было официально признано, что Мавераннахр разорен до крайности и многие плодородные земли не возделываются¹². Особенно сильно страдала бухарская область, находившаяся на окраине Мавераннахра, где часто проходили войска. После жесточайших разорений в 70-х годах Бухара совсем опустела¹³. По свидетельству Вақсафа, монголы разоряли и убивали не только горожан, но и *ахл-и раса́тиқ*, т. е. сельских жителей¹⁴.

В связи с монгольским завоеванием коренным образом изменилось к худшему не только хозяйственное, но и юридическое положение народа: население было пересчитано и переписано, каждая семья включена в одну из тысяч (*хазаре*) и фактически прикреплена к земле или к своим покорителям — монгольским феодалам. Ремесленники были закрепощены в полном смысле этого слова. Оживилась и торговля рабами. По словам Рашид ад-дина, войска Джү-

¹⁰ Фазлуллах Рашид-ад-дин, Джамий-ат-таварих (Сборник летописей), т. III, Баку, 1957, перс. текст, изд. А. А. Али-заде, стр. 558, пер. А. К. Арендса, стр. 320.

¹¹ Джувайни, рт II, стр. 254; рт III, стр. 79, Рашид-ад-дин, т. II, стр. 36 и 142; В. В. Бартольд, <Туркестан под владычеством монголов>, — Сочинения, т. I, стр. 535 и 564.

¹² Рашид-ад-дин, т. III, перс. текст, стр. 110, пер., стр. 72.

¹³ Там же, перс. текст, стр. 142, пер., стр. 89. См. также: Китāб-и мустатāб-и Вақсаф, [литогр. изд.], Бомбей, 1269 г. х., стр. 77—78 (далее — Вассаф); И. П. Петрушевский, Из истории Бухары, стр. 103—108.

¹⁴ Вассаф, стр. 570.

чай, Чағатая и Угедея, как и их потомков, воюя, грабили обозы друг друга, уводили в полон детей и продавали их торговцам. Многие продавали своих детей по бедности, появилось долговое рабство¹⁵. Документально засвидетельствовано, что не только в Иране, но и в Средней Азии для обработки земель и садов употреблялись купленные рабы¹⁶.

Подсчеты и переписи населения Бухары, Самарканда и других городов проводились по приказу Чингиз-хана с первых же дней завоевания. Всех жителей с женами и детьми выгоняли в степь, делили по разрядам и пересчитывали, распределяя на десятки, сотни и тысячи. Часть мужчин забирали в *хашар* (вспомогательные отряды), ремесленников отдавали в ставки царевичей и цариц или отправляли в Монголию. Отдельно учитывали богачей — с них требовались особо крупные суммы в качестве контрибуции¹⁷.

В 1251 г., после воцарения Мункэ-қаяна, последовал указ провести новую перепись (*шумаре-йи нау*) и твердо установить причитающийся налог (*мал-и қарарӣ*)¹⁸. В начале 60-х годов перепись в Бухаре проводилась по приказу Қубилай-қаяна. В городе оказалось 16 000 семейств (или взрослых мужчин). Из них половина находилась в непосредственном подчинении қаяна, 5 000 принадлежали потомкам Бату, т. е. Джучидам, а 3 000 — матери Мункэ и Хулагу. В 1262 г. тысячи, принадлежавшие Джучидам, были выведены из города и зверски зарублены вместе с их женами и детьми¹⁹.

Этот эпизод изучался В. В. Бартольд²⁰ и И. П. Петрушевским²¹, которые пришли к диаметрально противоположным выводам по вопросу о том, были ли люди, перебитые по приказу қаяна, тысячами воинов монгольского гарнизона или тысячами семей местных бухарских жителей.

Решение этого вопроса крайне важно для определения юридического статуса трудящихся Мавераннахра в XIII в. Поэтому мы приведем здесь уже цитировавшийся текст из сочинения Вассафа: *درین نزدیکی قاآن ایلچی فرستاد و شماره بخارا تازه گردانید از جمله شانزده هزار که در نفس بخارا معدود بودند پنج هزار بیاتو تعلق داشت و سه هزار*

¹⁵ Рашид-ад-дин, т. III, перс. текст, стр. 519 и 525, пер. стр. 296 и 300.

¹⁶ О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965, стр. 22—23, 108—110, 184—185.

¹⁷ Джувайни, pt I, стр. 81, 95, 100, 126; Вассаф, стр. 565—567; Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, пер. с перс. О. И. Смирновой, М.—Л., 1952, стр. 201, 207—208, 217—218.

¹⁸ Джувайни, pt II, стр. 254, 261; Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, пер. с перс. Ю. П. Верховского, М.—Л., 1960, стр. 141, 150.

¹⁹ Вассаф, стр. 51.

²⁰ В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 576—577.

²¹ И. П. Петрушевский, Из истории Бухары XIII в., стр. 114—115; его же, примечание в кн.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 577—578.

Введение

بقوتی بیکی مادر هلاگو خان و باقی بالغ قول یعنی دلای بزرگ موسوم بود تا هر کس از اولاد چنگیز خان که بر سریر خانیست استقرار یابد آنرا بخاصه حاکم کند

این پنج هزاره باتو را تمامت بصحرا رانند و بزبان صفائح بیض که برید منایاء حمر است پیغام آجال بر ایشان خواندند و بر مال و زن و فرزند ایشان هیچ ابقا نرفت

«Незадолго до этого [т. е. до 1262 г.] қаан прислал гонца и произвел заново перепись Бухары. Из всех шестнадцати тысяч, которые были сосчитаны в самой Бухаре, пять тысяч принадлежало Бату, три тысячи — Қутй-бікй, матери Хулāгу-хāна, а остальные назывались Улуг Қул, т. е. *далā-йи бузург*, дабы ими управлял лично тот из потомков Чингиз-хāна, кто утвердится на престоле ханской власти. [Теперь] эти пять тысяч, принадлежащих Бату, всех выгнали в степь и на языке белых мечей, вестников красной смерти, над ними прочитали известие о смертном часе. И не осталось ни имущества, ни жен, ни детей их»²².

В. В. Бартольд полагал, что при переписи подсчитывались не жители, а монгольское войско, стоявшее в Бухаре, и что убиты были пять тысяч воинов с их женами и детьми. И. П. Петрушевский не согласился с мнением В. В. Бартольда на том основании, что монгольские войска не стояли в городах и что пять тысяч воинов не дали бы себя перерезать без всякого сопротивления. Это могло быть совершено только в отношении горожан.

Вполне разделяя в этом вопросе точку зрения И. П. Петрушевского, мы можем высказать здесь ряд дополнительных соображений о причинах избиения бухарцев в данном случае. Может быть, Қубилāй-қаан имел в виду таким способом наказать Джучидов, лишая их доходов, т. е. налогов с 5000 бухарцев, за то, что они грабили купцов, которым покровительствовал сам қаан, при проходе караванов через степи Дашт-и Кипчак. Видимо, қаан, связанный состоявшимся ранее распределением доходов с Бухары, не мог иначе отнять у Джучидов эти доходы и был не в силах сам обеспечить безопасность прохода своих караванов через их владения.

Термин *хазаре* в источниках XIII в. употребляется не только для обозначения подразделений монгольских войск, но также и в отношении покоренного населения. Это ясно из следующих, например, мест сочинения Вассафа:

В 1266—1267 гг., когда Бухаре угрожал полный разгром со стороны ее владетеля Чагатаида Барақа, старейшины и почтенные люди города умолили его заменить ограбление дополнительным налогом.

²² Вассаф, стр. 51.

Тогда Барак обязал горожан:

بر هر هزاره و کارخانه تفصیلی مُسمی کنند و چند بالش زر بخزانه رسانند
تا در مصالح لشکر صرف کند

«[Чтобы] они разверстали определенную [сумму налога] на каждую тысячу [людей] и ремесленные мастерские и доставили бы в казну столько-то балышей золотом, которые он израсходует на нужды войска»²³.

Нам кажется совершенно ясным, что Барак не мог поручить горожанам проводить обложение монгольского войска. Вне всякого сомнения, здесь под термином *хазāре* разумеются городские жители, податное население, и поправка И. П. Петрушевского вполне обоснованна.

На кўрилтāе 1269 г. монгольские феодалы вынесли следующее известное постановление:

مقرر شد که هر يك از شاهزادگان بهزارهه معهود و کارخانهها خاص که
در بخارا و سمرقند داشتند قناعت کنند

«Было постановлено, чтобы каждый из царевичей довольствовался тысячами, которые достались им по договору, и собственными ремесленными мастерскими, принадлежащими им в Бухаре и Самарканде»²⁴.

И здесь, конечно, говорится не о тысячах монгольского войска, как предполагал В. В. Бартольд, а о тысячах пересчитанных жителей — податного населения, от которых царевичи получали доходы. И естественно, что рядом с этими тысячами упомянуты ремесленные мастерские.

Обращает на себя внимание выражение *хазāрехā-йи ма'худ* — обусловленные, доставшиеся по договору тысячи семей. Как мы видели выше, задолго до кўрилтāя 1269 г. население Бухары и других мест было разбито на десятки, сотни и тысячи, поделенные между Чингизидами. На кўрилтāе Чингизидов обязали довольствоваться теми тысячами, которые были им даны по уговору.

По-видимому, трудовое население Мавераннахра, так же как и Ирана, в XIII в. потеряло свою свободу и было закрепощено, причем монголы использовали характерную для их общественного строя систему «десятков», «сотен» и «тысяч». В таком случае возможно, что административный термин *тумāн*, введенный в Средней Азии и Иране при монголах, обозначал район с населением в 10 000

²³ В а с с а ф, стр. 68; В. В. Бартольд, — Сочинения, т. I, стр. 582 (см. примечание редактора И. П. Петрушевского).

²⁴ В а с с а ф, стр. 69. Текст этот не вполне совпадает с приведенным И. П. Петрушевским в прим. 3, стр. 583 первого тома сочинений В. В. Бартольда. Изафет после слов *بهزارهه*, имеющийся в обоих вариантах, доказывает правильность текста, приводимого нами здесь по бомбейскому изданию.

Введение

жителей (или семейств покоренного местного населения), а не район, поставлявший 10 000 войска. В статье «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче» и в других работах В. В. Бартольд уже говорил о невозможности поставки такого войска с каждого *тумана*.

Бесправие и обнищание народных масс Средней Азии многократно усиливалось вследствие междоусобных войн Чингизидов.

С середины XIII в. в Монгольской империи наступило двоевластие, сначала фактическое, между *қааном* Мункэ и ханом Батү, а с 1260 г. официально установленное избранием сразу двух *қаанов* — Кубилая и Ариг-Буки. Продолжительные междуцарствия в 1241—1246, 1248—1251, 1259—1269 гг. были временем почти непрерывных междоусобных войн и безнаказанных грабежей. В конце концов был создан упомянутый выше *қурйлтай* 1269 г., на котором монгольские феодалы решили запретить войскам даже подходить близко к населенным городам и культурным землям. *Қаан* Қайдү (1269—1303) поставил специальные заградительные отряды между Бухарой и кочевьями Чагатаидов для защиты оазиса от вторжений кочевников²⁵.

Желая отнять Бухару и Самарканд у Джучидов, Аргана-хатүн еще в 1263 г. послала пятитысячное войско в те области. Они убили не только наместников Берке, но и всех зависимых людей его и даже представителя высшего духовенства Бухары — Бурхән ад-дин, сына Сайф ад-дина Бахарзй²⁶. Люди Аргана-хатүн захватили в Бухаре и Самарканде много имущества жителей, движимого и недвижимого. Как раз в этот момент сюда же прибыли гонцы от *қаана* Ариг-Буки, которые привезли его ярлык с приказом собрать у жителей скот, лошадей и оружие. За короткий срок они собрали этот второй налог, но не успели его вывезти, как на них напал другой Чагатаид — Алгү, все отобрал, а гонцов *қаана* убил²⁷. Его действия были восприняты как открытый мятеж, и *қаан* послал войско на усмирение Алгү. Потерпев поражение от Ариг-Буки, Алгү бежал в Бухару и Самарканд, опять собрал там много денег, вьючных животных и оружия. Все это он раздал своему войску²⁸.

Война между Ариг-Букой и Алгү продолжалась затем некоторое время на берегах Или с переменным успехом. Вследствие грабежей обеих сторон в Семиречье начался голод и эпидемия²⁹. Чтобы не допустить того же и в Мавераннахре, Алгү назначил богатого

²⁵ Вассаф, стр. 69.

²⁶ О последнем см.: О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965, стр. 7—9.

²⁷ Рашид-ад-дин, т. II, стр. 163—164.

²⁸ Там же, стр. 98.

²⁹ Там же, стр. 164.

откупщика Мас'уд-бека начальником своего *дйвāна* и послал его править Самаркандом и Бухарой. Мас'уд-бек сумел, несмотря на все предшествующие ограбления, снова обложить население податями и посылал их Алгū, который таким путем смог собрать и вооружить большое войско для отпора қāнū³⁰.

После смерти Алгū, последовавшей в 1266 г., его войско «по старым обычаям грабило области и совершало бесчинства»³¹. Новый правитель Барāқ, как и Алгū, давал своим соратникам в виде платы им за военные услуги позволение грабить жителей Бухары. В 1266 г., после неудачного сражения против Қайдū, Барāқ потребовал, чтобы все жители Бухары и Самарканда немедленно вышли из пределов городских стен, дабы его войско, потерявшее в битве «все свое достояние», смогло вознаградиться путем ограбления города. В противном случае, заявил Барāқ представителям горожан, не будут пощажены не только имущество, но и сами жители с их женами и детьми³². Весьма характерные соображения высказал Барāқ на совете со своими военачальниками: он говорил, что при существующем положении это царство (т. е. Мавераннахр) за ними не удержится, поэтому самое лучшее — разорить грабежом эти «цветущие края». И предложил начать с Самарканда³³!

В 1269 г., перед походом на Хорасан, Барāқ довел Мавераннахр до настоящего голода, так как отобрал все зерно — не только ячмень, но и пшеницу — для откорма коней. Весь крупный рогатый скот был реквизирован и забит, чтобы из шкур животных сделать щиты. При возвращении из Хорасанского похода военные отряды, временно прикомандированные к Барāқу, вновь грабили все на своем пути.

«И Бухара не миновала этого», — пишет Вассāф³⁴.

Начиная с 1270 г. сыновья Барāқа, воюя против Қайдū, опять опустошали «весь Мавераннахр от Ходжента до Бухары. Страна, только что оправившаяся от разорения, снова была ввергнута в разруху»³⁵.

Так как города и культурные оазисы были источниками снабжения войск оружием, продовольствием и снаряжением, монгольские феодалы разоряли иногда целые области и крупные города с целью лишить друг друга опорных баз. Именно это было настоящей причиной, а не только предлогом ограбления Бухары отрядами, посланными Абāқā-хāном в 1273 г.³⁶

³⁰ Там же, стр. 165.

³¹ Там же, стр. 98.

³² В а с с а ф, стр. 68.

³³ Рашид-ад-дин, т. III, перс. текст, стр. 108, пер., стр. 71.

³⁴ В а с с а ф, стр. 71.

³⁵ Там же, стр. 77.

³⁶ Рашид-ад-дин, т. III, перс. текст, стр. 140—142.

События 1273—1276 гг. подробно рассмотрены в работе И. П. Петрушевского, сопоставившего данные Ваcсафа и Рашид ад-дина³⁷. Здесь достаточно сказать, что в течение семи лет Бухара была пуста. После этого Қайду приказал Мас'уд-беку собрать жителей из окрестностей города, вновь поселить в Бухаре тюрок и таджиков, после чего жизнь до некоторой степени наладилась, возобновились ремесленное производство и торговля³⁸. Этому способствовала проведенная Мас'уд-беком денежная реформа.

Говоря о разрушениях и опустошениях, причиненных Средней Азии монгольскими феодалами, следует иметь в виду, что одновременно, по крайней мере в периоды затишья, шла работа по восстановлению экономики. В этом были кровно заинтересованы не только разоренный и поработенный народ, но и верховные правители монгольского государства, сознававшие, особенно во второй половине XIII в., необходимость наладить нормальную хозяйственную жизнь и особенно торговлю. После құрылтая 1251 г. и в 1271—1280 гг. проводились денежные реформы, характер которых свидетельствует о том, что власти ставили перед собой задачу нормализации хозяйства и временами достигали в этом кое-каких успехов. Впервые после «серебряного кризиса», продолжавшегося более двух с половиной столетий, в Средней Азии был введен свободный чекан серебряных монет, а к концу XIII в. монеты выпускались одинакового веса и пробы по всей стране, что говорит о некоторой стабилизации экономики и централизации власти³⁹. Все это стало возможно благодаря определенному улучшению состояния земледелия, ремесла и торговли, достигнутому еще до денежной реформы Мас'уд-бека, которая затем, в свою очередь, способствовала прогрессу хозяйства.

В этой связи становится более понятным тот факт, что Марко Поло назвал Бухару «лучшим городом во всей Персии»⁴⁰. Следует только иметь в виду, что Марко Поло никогда не бывал в Бухаре сам. Сведения о Бухаре, записанные с его слов в геновской тюрьме в 1298 г., представляют не результат его собственных наблюдений, а изложение слышанного им от других лиц, возможно, от его отца и дяди, побывавших в Бухаре в 1262 г.

Итак, к концу XIII в. положение в Бухаре характеризуется следующими основными фактами:

³⁷ И. П. Петрушевский, Из истории Бухары XIII в., стр. 103—109.

³⁸ Вассаф, стр. 78—80.

³⁹ Е. А. Давидович, Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии после монгольского нашествия XIII в. (по нумизматическим источникам),— «Народы Азии и Африки», 1970, № 6, стр. 64—67.

⁴⁰ Книга Марко Поло, пер. И. П. Минаева, ред. И. П. Магидович, М., 1955, стр. 45.

1. Разруха в результате монгольского нашествия и междоусобных войн между Чингизидами.
2. Закрепощение крестьян и ремесленников.
3. Начало восстановления хозяйства.

II

Учредитель вакфа 'Абд ар-Рах'им, [сын] Мухаммада, сына 'Абдалл'аха Истиджа'би⁴¹, был персоной, соединявшей в себе достоинства «людей меча и пера», т. е. принадлежал одновременно к военно-правительственным и духовно-бюрократическим кругам. Документ называет его садром, эмиром и имамом, опорой султанов и т. д. А происходил он из шейхов Исфиджаба (в оригинале Истиджа'би). В документе говорится, что несколько ранее начала 1299 г. он купил в бухарском *тумане* Самджан целую деревню — Дйх-и Хамине (возможно чтение Хамане) с богато орошенными землями. Купленная деревня имела отдельный канал (*нахр-и хасс*) из Самджана и получала также часть воды из каналов, отведенных к селениям Науфадж, Паркад, Нухуддйзе, Маргасун, Хуш'фагане и Фаранийе. Обращает на себя внимание обилие источников орошения купленной земли, что в условиях Средней Азии должно было чрезвычайно увеличить ее ценность.

Из документа неясно, каким образом знатный вельможа, купивший одну деревню, мог приобрести в частную собственность не только ее земли с орошающим их каналом, но и часть оросительных вод из каналов, принадлежавших шести другим селениям. Может быть, это результат какого-то раздела воды между соседними селениями, который произошел до покупки деревни Хамине. Примеры подобных разделов оросительных вод мы можем проследить по опубликованным нами документам XIV, XVI и XVII вв.⁴²

Рядом с купленной деревней у подножия холма, на котором она стояла, учредитель вакфа построил новую деревеньку (*дйхча*), а в ней дом с суфой и верандой, с двором, позади которого находился сад или огород (*багча*); там же он построил две мечети — летнюю

⁴¹ Транскрипция Истиджаб, по-видимому, не случайна. Она употреблена и в некоторых рукописях «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи. См.: Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Narshakhy, ed. Ch. Schefer, Paris, 1892, стр. 81 (далее — Наршахи, изд. Ш. Шефера); то же, изд. Мударриса Ризави, [Тегеран, 1939], стр. 97.

⁴² См.: О. Д. Чехович, Вакуфный документ времени Тимура из коллекции Самаркандского музея, — «Эпиграфика Востока», т. IV, М.—Л., 1951, стр. 62; ее же, Бухарские поземельные акты XIV—XIX вв. — «Проблемы источниковедения», т. IV, М., 1955, стр. 230; ее же, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Ташкент, 1954, стр. 60.

и зимнюю, «хорошие» жилища для работников (*к̄аранде*), сеновалы, мельницу и несколько ткацких мастерских (*мах̄ак̄ат*, *ба̄фанде-х̄ане*).

Тот факт, что владелец селения построил жилье для своих работников, показывает, что эти работники не были вполне независимыми. К сожалению, термин, обозначающий их, сохранился только в таджикском переводе. Судя по этимологии и по употреблению в позднейших среднеазиатских документах, *к̄аранде* мог быть земледельцем-издольщиком⁴³.

В документе не сказано прямо о том, кто, каким образом и на каких условиях возделывал земельные угодья вақфа и работал в принадлежавших ему ткацких мастерских, на мельницах, на ирригационных, строительных и ремонтных работах. Упоминание в строке 46 *к̄аранде*, для которых учредитель вақфа построил жилища, а в строке 147 — платы наемным работникам или арендаторам (*'уджур*) позволяет предположить, что в числе работников были и свободные и несвободные люди.

В строке 146 говорится о десятине из урожая хлебов и других доходов вақфа. Это место может служить основанием для предположения, что крестьяне уплачивали вақфному учреждению одну десятую долю урожая или дохода. Но отсюда нельзя сделать вывод, что положение их было сильно облегчено по сравнению с положением крестьян, не принадлежавших вақфу, так как мы не знаем, какие платежи и повинности были возложены на них со стороны государства.

В вақф было обращено все селение, не только его земельные угодья, но и сами жилые дома; это видно из строки 63, где говорится: *منازلی که داخل این وقف است*.

По-видимому, в Бухаре XIII в. собственность вақфа распространялась и на жилые дома, по крайней мере в тех случаях, когда эти дома были выстроены на средства учредителя вақфа. Тот же термин *ман̄зил* употреблен и в арабском вақфном документе XI в. из Египта, приведенном в «Топографии Каира» ал-Мақрйзй. И там жилые постройки входили в состав вақфа⁴⁴. Однако по наблюдениям исследователя более поздних документов Средней Азии В. Л. Вяткина, жилые дома деревенских жителей не входили в состав вақфов⁴⁵.

Деревня Хамине имела угодья (*зий̄а'ат*) и усадьбы (*'ак̄ар̄ат*).

⁴³ См.: Джувайни, рт I, стр. 170; А. А. Егани, «Каранда» как социальная категория, — «Народы Азии и Африки», 1966, № 6, стр. 106—109.

⁴⁴ Та қй ад-дйн Аҳмад б. 'Али ал-Мақрйзй, Кит̄аб ал-х̄ит̄ат, ч. 2, Бул̄ақ, 1270 г. х., стр. 274.

⁴⁵ В. Л. Вяткина, Вакуфный документ Ишратхана, — сб. «Мавзолей Ишратхана», под ред. М. Е. Массона, Ташкент, 1958, стр. 133.

В составе угодий упоминаются старые и вновь посаженные сады (виноградники, ар. *курӯм*, перс. *бāғхā*), отдельные деревья и другие насаждения, водоемы и много участков пахотных земель, которые не перечислены в документе по отдельности из-за их многочисленности, а также потому, что некоторые разграничительные отметки *мусаддайāt*, *урдахā* в то время, когда составлялся акт, уже не сохранились. Из строк 51–52 следует, что многочисленные земельные участки деревни Хамине когда-то были разделены межами, т. е. принадлежали разным землевладельцам. В период, предшествовавший учреждению вақфа, межевые знаки исчезли, может быть, в связи с потерей прежними землевладельцами их права на землю или в связи с таким падением доходности земли, которое сделало бесцельной ее обработку и ограждение владельческих прав межевыми знаками. Последнее соображение подкрепляется текстом строки 53, где говорится, что часть земель оставалась ничем не засеянной, хотя она и была вполне пригодна для посевов. Другая часть земли, составлявшей угодья (*зийā'*) деревни Хамине, была засеяна пшеницей и ячменем.

Термин '*акār*' употреблен в документе для обозначения населенных мест: высокого холма (*талл-и 'ālī*), на котором была расположена старая деревня Хамине, и всех построек новой деревеньки.

Из текста ясно, что терминами *зийā'* и '*акār*' обозначались земли совершенно разные по природному характеру и хозяйственному использованию. Вопрос о терминах *зийā'* и '*акār*' уже рассматривался нами в связи с исследованием бухарских актов начала XIV в., где содержится подробное перечисление угодий, входивших в состав *зийā'*, и усадеб, относящихся к '*акār*'⁴⁶. Наш вывод сводился к следующему: земли, принадлежавшие бухарским деревням, делились на две категории — *зийā'* и '*акār*'. В состав *зийā'* входили пахотные земли и сады, а термин '*акār*' обозначал участки, занятые постройками. Деление земель селения на эти две категории упоминается и в источнике X–XII вв. — «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи⁴⁷.

Публикуемый документ вносит еще один штрих, подтверждающий правильность нашего толкования. В нем говорится (строки 73–74):

اما مستثنیات که داخل نیست هیچ کدام ازینها تحت وقف مذکور از ضیاع وی
و نه از عقار وی

⁴⁶ См.: О. Д. Чехович, О некоторых терминах среднеазиатских актов, — «Иранская филология. Труды научной конференции по иранской филологии (24–27 января 1962 г.)», Л., 1964, стр. 163–170; ее же, Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965, стр. 39–95 и 196.

⁴⁷ См.: Наршахи, изд. Ш. Шефера, стр. 13; то же, пер. Н. Лыкошина, стр. 23; то же, литография, Бухара, 1904, стр. 18; то же, изд. Мударриса Ризави, стр. 17.

«А что касается исключенных [участков], то ни один из них не вошел в упомянутый вақф — ни в отношении его угодий, ни в отношении его усадеб».

Таким образом, публикуемый документ доказывает, что в Бухаре конца XIII в. понятия *зийā* и *'ақār* различались очень четко, причем первый термин обозначал пахотные земли, сады и т. п., тогда как второй — населенные усадьбы.

Среди вақфных угодий отдельными участками были расположены не относящиеся к вақфу имущества следующих лиц.

1. Земля благородной особы по имени Хиндӯ-Буқā, размер которой определяется тем, что на ней можно было высевать двести *маннов* пшеницы по весу, употреблявшемуся в [бухарских] торговых куполах:

زمینهایکه میگزنجد در آن دو یست من تخم گندم بوزن طاقیه

Эта мера веса более подробно характеризуется в бухарском документе 1326 г.:

... زمینهای مقدار سیصد من تخم جایی است بستگ طاقی بخارا ... صد من بستگ طاقی که پانصد من شرعی باشد ... دو قرص نان دهند که یک من شرعی باشد⁴⁸

Здесь в первом случае речь идет тоже о *маннах* высеваемого зерна «купольного» веса с добавлением, что это именно бухарские *манны*. Во втором случае сто этих *маннов* приравнивается пятистам шариатским *маннам*, а в третьем говорится, что два круглых хлеба (видимо, лепешки) весят один шариатский *манн*.

Как выяснила Е. А. Давидович, в Бухаре XV в. шариатский *манн* был равен 180 *мисқāлам*, т. е. 864 г, а *манн* бухарского веса «ба санг-и тākī» — 900 *мисқāлам*, т. е. 4 кг 320 г⁴⁹. Двести *маннов* поэтому равны: 4320 г × 200 = 864 кг, что по местным нормам высева пшеницы на поливной земле могло занимать около 7 га.

Е. А. Давидович высказала предположение, что название этой меры связано со словом *тākī* — тибетейка. Однако неизвестно, употреблялось ли в XIII—XIV вв. или раньше слово *тākī* в значении «головной убор, тибетейка». Во всяком случае, размер тибетейки современного типа, в которую можно насыпать никак не более одного килограмма зерна, не соответствует весу этого *манна*.

Мы считаем более возможным предположить, что название «вазн-и тākīйе» связано со словом *тāk* — свод, купол. Поскольку именно для Бухары характерно сосредоточение торговли внутри и вокруг торговых куполов *тāk*, естественно было бы и установление в них определенных мер веса, более удобных для торговли зерном, чем шариатский *манн* в 864 г. Хотя торговые купола, сохранившие-

⁴⁸ См.: О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в., стр. 61, 91—93.

⁴⁹ Е. А. Давидович, Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, М., 1970, стр. 85—94 и 123—125.

ся в Бухаре до сих пор, — *Тāk-и Саррафāн*, *Тāk-и Тиллак-фурӯшāн* и *Тāk-и Заргарāн* — считаются построенными в XVI в., возможно, что четвертый, несохранившийся (*Тāk-и Тўргарāн*), и другие подобные постройки были воздвигнуты в Бухаре гораздо раньше.

Так или иначе, имение Хиндў-Бўқā, расположенное среди угодий деревни Ҳамине, занимало площадь около 8 га. Южной и западной границами оно примыкало к землям вақфа, северной — к каналу Паркада, а восточной — к дороге в Сāмджан.

2. Земля шейха Аҳмада, сына Муҳаммада, сына Муҳаммада Ҳамине, известного под прозвищем Аҳмад 'Алим (Ученый Аҳмад), тоже расположенная среди угодий деревни Ҳамине, имела в своем составе *бāғканде* с двумя *танāбами* смежной земли и два отдельных участка по три-четыре *танāба*, со всех сторон окруженные землями вақфа.

3. Земля «сиятельного» Муҳаммада, сына Шāдї, состояла из двух *бāғканде* и одиннадцати *танāбов* земель, расположенных отдельными участками среди земель вақфа, причем два небольших участка вплотную подходили к западной и восточной границам новой деревеньки основателя вақфа, а остальные — к землям его вақфа.

4. Земля Муҳаммада, сына Аҳмада Карїма, известного под прозвищем *Шакарлаб* (Сахарногубый), включала *бāғканде* и десять *танāбов* земли отдельными участками, тоже окруженными со всех сторон землей вақфа.

5. Земля шейха Хасана *Кашебāфа* (т. е. мастера по выделке циновок грубого плетения из пшеничной соломы и мешков из них для перевозки органических удобрений) площадью в четыре *танāба* примыкала к каналу Науфаджа и со всех остальных сторон к землям вақфа.

6. Земля Муҳаммада, сына эмира Хасана, состояла из *бāғканде* и пяти *танāбов* примыкающих к нему земель.

7. Земля Ҳусайна, сына Муҳаммада, сына Ҳаджжāджа Тарāбї, состояла из 20 *танāбов* в двух участках. Первый из них (15 *танāбов*) со всех сторон был окружен землями вақфа, а второй (5 *танāбов*) расположен у северной околицы новой деревеньки основателя вақфа. Другими границами он примыкал к его вақфным землям.

8. Земля Маҳмўда, сына 'Арї Малика, заключала в себе пять *танāбов* в двух отдельных участках, со всех сторон окруженных вақфной землей.

Таким образом, основатель вақфа, купивший все селение Ҳамине с его угодьями и усадьбами, признавал собственность некоторых других владельцев, имевших *бāғканде* и пашни среди угодий купленного им селения, и оговорил в вақфном документе, что эти имения не входят в вақф. Владельцы исключаемых из вақфа име-

Введение

ний, судя по их именам и титулам, принадлежали к классу феодалов (эмир, «сиятельный» и т. п.), духовенства или интеллигенции ('*алим*) и ремесленников (например, *кашебѣф*).

Поскольку в вакфной грамоте описываются как принадлежащие вакфу все угодья деревни Хамине, кроме отдельных, исключаемых из вакфа имений частных лиц, и границы исключаемых имений примыкают повсюду к землям вакфа, ясно, что земель вакфа было несравненно больше, чем земель частных владельцев, расположенных отдельными островками среди сплошного массива вакфных земель.

Так как все частные имения со всех почти сторон примыкали к землям вакфа, они неизбежно попадали в зависимость от вакфного учреждения, особенно в вопросах, связанных с орошением. Кроме того, существующее в мусульманском праве так называемое «преимущественное право соседа» (*шувф'ат*) давало крупному собственнику, в данном случае вакфу, дополнительное преимущество. Все это позволяет нам отнести основателя вакфа к числу крупных землевладельцев, имевших возможность эксплуатировать крестьян и ремесленников определенной сельской округи.

Для оплаты труда имама и муэззина, для расходов на содержание и освещение мечетей и мазара, для ритуальных угощений здесь выделены определенные участки земли следующего размера: имаму — 10 *танабов*, муэззину — 4 *танѣба*, на содержание мазара и мечети — по 10 *танабов*, на осветительное масло — 2 *танѣба*, на угощения — 10 *танабов*. В документе указано, где были расположены эти участки, и дано описание их границ. Подобные клаузулы встречаются в вакфных документах очень редко. Единственный известный нам случай относится к вакфу Ходжи Ислама Джуйбарри 1561 г.⁵⁰, когда 50 *танабов* земли было выделено для чтеца Корана помимо платы ему деньгами и пшеницей. В других вакфных документах встречаются указания на вознаграждение служителям культа и обслуживающему персоналу деньгами и продуктами, например зерном трех видов — пшеницей, ячменем и просом, как в вакфе самаркандского мавзолея Ишрат-хане⁵¹. Но чаще всего предусматривалась выдача определенной доли доходов как на оплату служителей, так и на расходы по содержанию вакфных учреждений и призрение паломников⁵². Кроме основателя вакфа, его родствен-

⁵⁰ ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, ед. хр. 1429/2.

⁵¹ См.: В. Л. Вяткин, Вакуфный документ Ишратхана, стр. 127—128 и 134—135; Р. Г. Мукминова, К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. по материалам «Вакфнаме», Ташкент, 1966, стр. 301, 305—308.

⁵² См.: Вакуфный документ Ходжи Ахрара 1470 г., подлинник хранится в Институте востоковедения АН УзССР, № 508; Вакуфный документ потомков Ходжи Ахрара 1546 г., хранится там же, № 9; см. также первый из самаркандских вакфных документов XI в., опубликованных М. Хадром: «Journal Asiatique», t. CCLV, 1967, fasc. 3—4, стр. 318—319, и вакфный документ медресе Калѣбади — ЦГА УзССР, ф. И-323, № 55.

ников и соседей в документе упоминаются высокопоставленные лица, известные по другим источникам. В их числе бухарский верховный казий Абӯ-л-Фазл Муҳаммад, сын Муҳаммада, сына 'Умара, сына Маҳмуда ал-Бухарӣ, от имени которого через месяц после составления вақфа был составлен *сиджилл*⁵³ — акт официального утверждения его законности и вступления в силу (строки 205, 238). Вақф засвидетельствовал и его сын — Муҳаммад, сын Муҳаммада, сына Муҳаммада, по прозванию Ашраф, позднее получивший лақаб Абӯ-л-Ҳамд. При оформлении нашего документа 1299 г. он участвовал в качестве писца (см. столбец 207). В документах 1326—1333 гг. он упоминается уже как верховный казий Бухары, унаследовавший этот пост после отца⁵⁴.

В *сиджилле* (строки 243—253) говорится, что верховного казия назначил на этот пост *садр-и джахан* по имени Абӯ-л-Мақарим Муҳаммад, сын Абӯ-л-Маҳасина ал-Ҳасана, сына *садр-и джахана* ал-Маҳамида, сына Муҳаммада, возглавлявший *дйван ал-мазалим* и управлявший шариатскими делами во всем Мавераннахре — «от Сейхуна до Джейхуна». Этот представитель династии бухарских *садров* в 1326 г. владел крупными земельными участками и *бағканде* в районе Ҳауз-и 'Арусан-и Кухне (в восточных окрестностях Бухары).

III

Район, в котором были расположены земли нашего вақфа, находился приблизительно в 25 км к с.-с.-з. от Бухары. Это выясняется благодаря тому, что некоторые упоминаемые в документе названия населенных мест и каналов сохранились до наших дней, а другие встречаются в источниках.

В строках 38—72 вақфной грамоты говорится, что деревня Ҳамине находилась в Бухарской области, Сямджанском *'амале-тумане*.

К востоку от обращенных в вақф земель деревни Ҳамине находился канал Паркад, текущий к селению Мағкән-и Ҳурдак, земли этого последнего селения, затем общественный канал селения Науфадж и земли этого селения. К северу граница шла по каналу Науфадж и вдоль земель селения Науфадж. Западная граница вақфа примыкала к саду наследников казия Науфаджа, к землям угодий

⁵³ О термине *сиджилл* см.: Liber Mafâtih al-Olûm explicans vocabula technica scientiarum tam Arabum quam peregrinorum auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Yûsuf al-Kâtib al-Khowarezmi. Edidit, indices adjecit G. van Vloten, Lugduni-Batavorum, 1968, стр. 57. О термине *сиджилл* в значении *Einregistrierungsbescheinigung* см.: A. Grohmann, Einführung und Chrestomathie zur arabischen Papyruskunde, Praha, 1955, стр. 108, 115, 116; этот термин встречается в контексте, аналогичном нашему, в древнейшем самаркандском вақфном акте 458/1066 г., см.: Mohamed Khadr, Deux Actes de Waqf d'un Qarahaniide d'Asie Centrale, — «Journal Asiatique», t. CCLV, 1967, стр. 320.

⁵⁴ О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в., стр. 135, 142, 192, 195.

замка Қаср ал-бек (?). Далее западная граница примыкала к тому же каналу Паркад, возле которого находились земли угодий селения Марғасўн, затем к малому каналу (*афдак*), общему для упомянутых угодий Марғасўна и угодий замка Нухўддизе, к земельным угодьям селения Фагāне и, наконец, к землям селения Гўшак. Южная граница вақфа проходила вдоль канала (или речки) Руд-и Сāмджан.

Ниже, в строках 121–122, говорится, что среди земель вақфа пролегали две дороги. Одна из них называлась дорогой Сāмджана и Хутфара, а другая — дорогой Рāмйтан-и Калāна.

Для локализации упомянутых пунктов и каналов необходимо прежде всего иметь в виду, что древний Рāмйтан находился не в том месте, где сейчас расположен центр Ромитанского района Бухарской области, а в 10 км к западу, в районе крупного городища, обозначенного на карте 1896 г. Рооми-тан. Поселок современного районного центра стал называться Ромитаном только в советское время, а раньше носил название Лаглак.

Городище, помеченное на картах как Рооми-тан, очевидно, соответствует Рāмйтан-и Калāн нашего документа. В нескольких километрах к северу от него на карте 1896 г. мы находим селение Марғасўн, а еще севернее — Науфадж; неподалеку от них — Пул-и Гўшак и Магāнча, соответствующие, вероятно, пунктам Гўшак и Магкāн-и Хурдак документа.

Значение, которое имел Рāмйтан в средние века, видно, например, из того, что в стене бухарского *рабада* (торгово-ремесленного предместья) в X в. имелись специальные ворота Дарб-и Рāмйтанийа, из которых шла дорога к Рāмйтану. Истахри упоминает также канал Нахр ар-Рāмитана⁵⁵. В сочинении Абў-л-Хасана Нишāбўри *Хазāин ал-’улўм* сообщаются следующие сведения о Рāмитане, изложенные в книге М. Наршахи «История Бухары»:

«Рāмитан имеет большую крепость, и [сама] деревня укреплена. Она древнее города Бухары. В некоторых книгах ту деревню называли Бухарой. Издревле она является резиденцией падишахов. С тех пор как городом стала Бухара, падишахи жили в этой деревне зимою. Так было и при исламе»⁵⁶.

Далее следует полуполюгендарный рассказ об Афросиабе, которому приписывается постройка Рāмитана, что произошло якобы более чем за 2000 лет до н. э.

Из текста публикуемого документа видно, что в конце XIII в. кроме упомянутого в нем «Большого Рāмитана» существовала и

⁵⁵ Истахри, стр. 307, 311.

⁵⁶ Наршахи, изд. Ш. Шефера, стр. 14; то же, литография, Бухара, стр. 19–20; то же, изд. М. Ризави, стр. 19–20; то же, пер. Н. Лыкошина, стр. 24–25; то же, пер. Р. Фрая, стр. 16–17; то же, перевод А. Расулева, стр. 23.

другая деревня Рамитан, может быть, меньшего размера или расположенная не на столь высоком холме. Видимо, в отличие от второго Рамитана древний Рамитан получил дополнительное определение — Калан. Возможно, что название Рамитан было перенесено на селение, прежде носившее имя Самджан, в связи с переходом туда административного центра Рамитанского *тумана*. В таком случае наш документ 1299 г. фиксирует момент, когда центром *тумана* сделался уже Самджан, а название Рамитан (но не Рамитан-и Калан) применялось по отношению к новому центру *тумана* в просторечии, не в официальных документах, где он называется Самджаном. Трудно сказать, могло ли это двойное обозначение сохраняться в течение нескольких веков, однако его отметил в начале XX в. 'Абд ар-Рахман Тамкин Бухарй⁵⁷.

Паркад (Баркад) упоминается в «Истории Бухары» Наршахй как большое, древнее селение с большой и старой крепостью. Оно было куплено Исма'йлом Саманидом (874—907) и обращено в вакф в пользу 'Алидов, отчего приобрело второе название — Паркад-и 'Алавий-ан. Около 880 г., после второго прибытия Исма'ила из Самарканда в Бухару, на дороге между Паркадом и Рамитаном действовали отряды восставших крестьян числом более 4000, которые угрожали напасть на Бухару. Исма'ил смог подавить это восстание благодаря помощи «знатных и высокопоставленных» жителей города⁵⁸.

В арабских источниках X—XIII вв. (Наршахй, Сам'ани, Йакут) название этого места обозначалось в форме Баркад, с обычной заменой не существовавшей в арабском алфавите буквы φ (п) буквой β (б). В таком искаженном виде это название перешло во все работы В. В. Бартольда и других востоковедов. Благодаря открытию публикуемого вакфного документа XIII в. мы можем теперь восстановить правильное чтение — Паркад, так как в этом документе оно написано много раз со всеми тремя точками под первой буквой, тщательно выписанными как в персидском, так и в арабском фрагментах.

В грамотах вакфа Исма'ила Саманида, поздние копии (или изложения) которых сохранились в Ташкенте⁵⁹, этот населенный пункт называется Паркад и Фаркат. В грамотах говорится, что это селение находилось в Самджанском *тумане* и примыкало с запада к холму Талл-и Паркад, с севера — к селению Ходжа Убан, с востока — к селению Уба-и Тадж ад-дин, а с юга — к землям селения Пинджан.

⁵⁷ Мат'али' ал-фахира ва маталиб ат-тахира, ркп. ИВАН УзССР № 8245, л. 220б.

⁵⁸ Наршахи, изд. Ш. Шефера, стр. 79; то же, литография, Бухара, стр. 102; то же, изд. М. Ризави, стр. 95.

⁵⁹ ЦГА УзССР, ф. И-323, № 758 и 1297; Ин-т востоковедения АН УзССР, док. № 527; О. Д. Чехович, Крестьянские обязательства 1914 г. на основании мнимой грамоты Исмаила Самани, — «Исторические записки АН СССР», т. 33, стр. 259—270.

Введение

Селение Пинджан показано на карте 1896 г. чуть южнее Науфаджа, а селение Ходжа Ўббан — значительно севернее.

В крестьянских обязательствах 1914 г.⁶⁰, приложенных к вақф-наме Исма'ила Саманида, говорится, что вақфный участок земли селения Паркад Самджанского *тумана* в течение долгого времени был засыпан песками соседней пустыни, затем освободился от песчаных наносов и снова стал обрабатываться, но уже под названием Шах-и Пайбан. Последнего названия на карте 1896 г. и в списке населенных мест Н. Ф. Ситняковского мы не находим. Вероятно, в конце XIX в. его еще не существовало. В документах вақфа Исма'ила Саманида говорится о Самджанском *тумане*, имевшем центральный поселок с канцелярией казия *тумана*, но место расположения этого поселка не указывается. Возможно, оно соответствует Самджану вышеупомянутой карты и маузи' Самджан нашего документа (см. строку 79).

Вопрос о местоположении Самджана интересовал В. В. Бартольда, который нашел у Наршахи, Сам'ани, Йакута и других арабских писателей названия бухарских селений Баркад (т. е. Паркад), Маргасун, Рамтин (Рамитан)⁶¹ и др. Однако незнание с актовыми материалами, имеющимися теперь в нашем распоряжении, и неискренность дошедших до нас рукописей Наршахи привели к тому, что В. В. Бартольд связывал Самджан не с этими пунктами.

В «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи под названием Самджан упоминается канал, протекающий между селениями Шарг и Искиджкат. Здесь говорится, что канал Самджан имел еще два названия: Руд-и Шарг и Харамкам. В другом месте сочинения Наршахи канал Харамкам упоминается как текущий по направлению к древнему Пайкенду и к оз. Самджан, иначе называвшемуся Каракул. Поскольку Искиджкат и Шарг находились на пути из Бухары в Самарканд, В. В. Бартольд ошибочно поместил там же канал и район Самджана.

Как известно, сочинение Наршахи, дошедшее до нас только в сокращенном персидском переводе, неоднократно перерабатывалось еще в средние века; некоторые части его вообще не принадлежат Наршахи, они были вставлены позже. История текста этого сложного и чрезвычайно ценного памятника до сих пор окончательно не выяснена. Может быть, в связи с позднейшими переработками текста, сокращениями и вставками в него случилось так, что сведения о Самджане оказались связанными с южными и восточными окрестностями Бухары.

⁶⁰ Там же, стр. 267—269.

⁶¹ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, — Сочинения, т. I, стр. 150, 166—168, 171; его же, К истории орошения Туркестана, — Сочинения, т. III, стр. 200.

О. Г. Большаков предложил гипотезу, отождествляющую Сәмджан с Каракульдарьей⁶². Позднее В. А. Шишкин на основании бухарских документов XVI—XIX вв., карт, списков населенных мест, составленных военными топографами XIX в., и результатов собственных многолетних изысканий на месте пришел к несколько иному заключению. По мнению В. А. Шишкина, в древности существовало два Сәмджана, но они находились не там, где предполагал В. В. Бартольд, а в Ромитанском и, возможно, в Каракульском районах⁶³.

О расположении *тумана* Сәмджан (Сәмиджан) в Ромитанском районе писал в свое время проф. А. А. Семенов⁶⁴. Из его наблюдений видно, что оба названия — Рәмитан и Сәмджан — употреблялись до последнего времени в отношении одной и той же местности. Это подтверждается географическим сочинением 'Абд ар-Рахмана Тамкйна Бухарӣ, составленным в 1915—1916 гг., где говорится: *سامجن دارد که الحال برامتن اشتهار دارد* «Сәмджан, который в настоящее время известен как Рәмитан»⁶⁵.

О двойном названии канала Роомитан (Саумиджан) еще в 1900 г. писал Н. Ф. Ситняковский⁶⁶.

В документах Джуйбарских шейхов XVI в. многократно упоминается *туман* Сәмджан с находящимися в нем селениями Пески (Биски), Тарнау и др., тоже сохранившими свои названия. Они находятся в зоне орошения южного отвода Вабкентдарьи, т. е. в пределах современного Ромитанского района, а не на пути к Самарканду и не на Каракульдарье⁶⁷. Многие из этих названий упомянуты в неопубликованной вакфной грамоте медресе Калабад⁶⁸ и в списках населенных пунктов, изданных в 20-х годах в Средней Азии⁶⁹.

В заключение следует упомянуть недавно обнаруженные списки

⁶² О. Г. Большаков, Заметки по исторической географии долины Зеравшана в IX—X вв. — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», т. 61, стр. 22—23.

⁶³ В. А. Шишкин, Варахша, М., 1963, стр. 23.

⁶⁴ А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, — «Советское востоковедение», т. V, М.—Л., 1948, стр. 146—147.

⁶⁵ Мағали' ал-фаҳира ва мағалиб ат-таҳира, соч. 'Абд ар-Рахмана Тамкйна Бухарӣ, рукопись ИВАН УзССР, № 8245, л. 220б.

⁶⁶ Н. Ф. Ситняковский, Заметки о Бухарской части долины Зеравшана, — «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», т. I, вып. II, Ташкент, 1900, стр. 297, 300—301.

⁶⁷ Из архива шейхов Джуйбарии. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века, М.—Л., 1938, стр. 135, 417—439; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии XVI—XVII вв., М.—Л., 1954, стр. 152, 299—309.

⁶⁸ ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, ед. хр. № 55/16, стр. 34—47.

⁶⁹ Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской ССР, вып. 6, Самарканд, 1925. См. также карту 1896 г. «Бухарские владения в Зеравшанской долине».

Введение

населенных мест Бухарского эмирата, составленные в 1914—1916 гг. чиновниками эмира по просьбе Российского политического агентства в Бухаре. В этих списках числятся по *туману* Сәмджан те же селения Паркад, Науфадж, Маргасун, Гүшак, Пинджан, Ходжа Ўбан и др., местоположение которых к северу и северо-западу от Бухары не подлежит сомнению⁷⁰.

IV

Публикуемый документ в виде арабского оригинала и персидского перевода был обнаружен в 1966 г. в Ташкенте, в Центральном государственном архиве Узбекистана, старшим научным сотрудником К. Убайдуллаевым. Фонд, в котором находится этот документ, представляет, в сущности, коллекцию актов позднефеодального времени, найденных в Бухаре после революции 1920 г.

Арабский фрагмент имеет размер 19 см по горизонтали и 297 см по вертикали. Он был свернут в трубочку, начиная с нижней части, т. е. с окончания документа, которое поэтому сохранилось лучше, оказавшись глубоко внутри свитка, тогда как начало, больше подвергшееся внешним воздействиям, сильно потемнело, выцвело и выкрошилось. На бумаге, с течением времени ставшей очень хрупкой, образовались поперечные трещины, из-за чего некоторые буквы и слова полностью исчезли. Особенно пострадали левые концы строк. Кроме того, в начале и еще в двух местах утрачены более значительные части арабского оригинала. Размер этих лакун можно определить только приблизительно, благодаря наличию лучше сохранившегося персидского перевода.

Утраченное начало должно было содержать арабский текст, соответствующий 34 строкам перевода, плюс неизвестного размера инвокацию, т. е. славословие Аллаху и пророку, утраченную не только в арабском, но и в персидском текстах. Так как первые строки сохранившейся части перевода представляют, по-видимому, окончание инвокации, вся утраченная часть перевода должна быть не очень большой, и в ней, вероятно, не содержалось никаких фактических сведений о вакфе. Судя по более поздним вакфным документам⁷¹, инвокация могла все же занимать несколько десятков строк.

Вторая лакуна арабского фрагмента, соответствующая строкам 68—112, насчитывала около ста арабских строк, так как убористый

⁷⁰ Список населенных мест тумана Сәмджан, — ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, ед. хр. № 70, л. 14.

⁷¹ См.: О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в.; В. Л. Вяткин, Вакфный документ Ишратхана, — в кн.: «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, стр. 109—136; Р. Г. Мукминова, К истории аграрных отношений в Узбекистане в XVI в. по материалам «Вакфнаме», стр. 103—105.

почерк персидского текста в каждой строке вмещает перевод около двух строк арабского оригинала. Это легко проверить по фотографиям тех частей документа, которые сохранились как в арабском тексте, так и в персидском переводе (строки 35–67, 123–156, 169–233). Третья лакуна (строки 157–168) содержала около 20–25 арабских строк.

Почти трехметровая полоса арабского фрагмента составлена из девяти склеенных листов бумаги, имеющих одинаковую ширину, но разную длину. Шесть склеек (у строк 10, 57, 125, 154, 199 и 232) сделаны, по-видимому, до написания документа. Другие две склейки, скрывающие лакуны (строки 67/122 и 157/168), явно позднего происхождения.

На склейках арабского фрагмента мы не видим оттисков печатей, тогда как обычно такие склейки в среднеазиатских документах скреплялись печатями для предотвращения позднейших нарушений. Целость печатей, оттиснутых так, что часть оттиска приходилась на один из склеенных листов, а другая — на второй, служила доказательством того, что акт не подвергался какой-нибудь интерполяции или сокращению. Примеры скрепления печатями листов бумаги, составляющих свиток, мы видим на полях персидского перевода (см. факсимиле, 14–22).

Вообще, на всем протяжении арабского фрагмента, ни на лицевой, ни на оборотной сторонах никаких оттисков печатей не имеется. Это весьма существенное обстоятельство не мешает нам, однако, отнести сохранившийся арабский фрагмент на основании общих палеографических данных к той эпохе, на которую указывает содержащаяся в нем дата — 8 раби II 698/13 января 1299 г.

Нам известно немало бухарских рукописей XIII в. Фотокопии отдельных страниц их, опубликованные в каталогах арабских и персидских рукописей, дают достаточно ясное представление о характере письма. Оно резко отличается от угловатого письма рукописей XI–XII вв., которое хотя и не было уже куфическим, но сохранило во всем облике явные следы своего происхождения из куфи.

Не столь четкая грань отличает бухарские рукописи XIII в. от позднейших, XIV–XV вв., но здесь материал для сравнения более обильный и уже не ограничивается рукописными книгами — существуют бухарские и самаркандские вақфные документы, которые мы можем сравнивать с публикуемым⁷².

⁷² О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в., стр. 257–307, 322–328; е же, Вақфный документ времени Тимура из коллекции Самаркандского музея, — «Эпиграфика Востока», IV, М.—Л., 1951, стр. 56–57; В. Л. Вяткин, Вақфный документ Ишратхана, стр. 112–120; О. Д. Чехович, Из источников по истории Самарканда XV в., — в кн.: «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, 1965, стр. 336–342.

Введение

Характернейшая особенность рукописей из Бухары XIII в., и в том числе публикуемого документа, — курсивность письма, округлость форм букв и при этом постоянные замысловатые лигатуры, петлистое соединение с последующими всех, как правило, несоединяемых арабских букв. Для нашего документа также характерен частый пропуск диакритических знаков. Здесь достаточно сравнить почерк нашего документа с почерком рукописи № 3129/II Института востоковедения АН УзССР, переписанной в Бухаре в 1278 г.⁷³ В особенности обращает на себя внимание сходство в изображении дат в строке 10 сверху рукописи № 3129/II и в строке 201 нашего документа. Можно было бы подумать, что даты написаны одной рукой.

В арабском тексте сохранилось сто полных горизонтальных строк, две строки, расположенные вертикально, вдоль правого поля, и одна короткая строка, вставленная позже и служащая как бы заглавием для следующих за нею 33 «столбцов» удостоверительной части. Столбцами написаны подтверждения свидетелей и официальных лиц, присутствовавших при заключении акта, а также лиц, сличавших копии с оригиналом и подтвердивших правильность переписки.

Весь текст от начала до строки 201⁷⁴ и столбцы 203—207 написаны, по-видимому, одной рукой, крупно, широконосим калямом, толщина нажима которого в отдельных случаях превышает 2 мм (см., например, строку 124). Столбцы 208—229 написаны другим почерком. Столбцы 230—235 написаны, вероятно, позже, но они тоже не являются автографами лиц, поименованных как служащие, сличавшие копии с оригиналом. В столбцах 233—235 говорится о подтвердительном постановлении казия (*сиджилл*), которое написано на обороте этой «новой» копии и того оригинала, с которого она списана. На обороте нашего арабского фрагмента нет ни упомянутого *сиджилла*, ни каких-либо других текстов или печатей. Однако они могли быть на обороте утраченных частей его.

Против строк 171—186 на правом поле написана строка 172, пропущенная переписчиком, который допустил эту ошибку, очевидно, из-за того, что строки 172 и 173 одинаково начинаются предлогом *الى*.

В начале строки 172 поставлено подтверждение правильности *صح* — во избежание каких-либо приписок в дальнейшем. В конце

⁷³ Трактат известного бухарского законоведа Абӯ Зайда ‘Убайдаллāха Дабусй, см. факсимиле в кн.: Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. III, Ташкент, 1955, стр. 147.

⁷⁴ В нумерацию строк вошли не только строки сохранившейся части арабского фрагмента, но и строки, восстанавливающие содержание его лакун с помощью персидского перевода.

этой строки тоже стоит слово *صح* с добавлением слов *من الكاتب* показывающих, что вставка сделана писцом, переписавшим весь документ, а не другими лицами.

Против строки 145 на правом поле поздняя помета *ه. يك*. Если предположить утрату первой буквы *د*, то слово *дахйак* есть персидский перевод арабского *'ушр*, которое мы видим в начале следующей строки 146 арабского текста. Похоже, что слово *'ушр* вместе с предшествующим ему предлогом *мин* в конце строки 145 вставлены позже, другим пером и более яркими чернилами. Если это и так, то ясно, что в начале строки 146 было оставлено место для одного короткого слова. Не является ли это следом процедуры оформления актов, которые подготавливались без указания некоторых реалий — имени, количества и т. д., — проставлявшихся позднее, после вынесения соответствующего постановления?

Другая поздняя помета против строки 150 гласит: *ахл-и вазъ-ишф*, что значит: люди, имеющие право на получение доли доходов вакфа. И действительно, начиная от строки 149, в арабском, а затем персидском текстах определяется, кто имел право распоряжаться доходами и получать их.

Особого внимания заслуживает строка 202, вставленная более мелким почерком (и с выступом на правое поле) между окончанием даты, завершающей основной текст, и началом «столбцов» удостоверительной части: *الاحاقات من كاتب النقل*, *ал-илхāқāt мин катиб ан-нақл*, т. е. «дополнения переписчика копии». Эти слова (строка 202) написаны с целью отделить основной текст документа от его удостоверительной части, названной «Дополнениями переписчика».

Значит ли это, что и в оригинале столбцы удостоверительной части отсутствовали? Это могло быть, если оригинал и копии с него переписывались заранее, до вынесения казийского постановления о введении вакфа в действие. Может быть, тогда же был сделан и перевод с арабского на персидский язык, в котором тоже отсутствует вся удостоверительная часть.

Значение сердцеподобного кружка с буквой *ха*-и *сахзиз* посередине, который занимает место у левого края бумаги между столбцами 229 и 231, ясно: это изображение печати, которая была приложена к оригиналу (*хатм*).

Арабский фрагмент написан на литературном арабском языке. Как и полагается юридическому документу, он достаточно сух и деловит, лишен риторических украшений. При именах верховного казия и представителя династии бухарских *садров* обязательный набор эпитетов. Несколько возвышенный тон звучит в той части документа, где учредитель вакфа декларирует свои благие цели; в

энергичных повторяющихся фразах выражено его намерение закрепить действие документа на вечные времена. Однако даже в этих местах, как во многих других, ощущается канцелярский штамп. Правила составления вакфных документов были выработаны, видимо, довольно рано и устойчиво сохранялись. Буквальное совпадение ряда выражений и формулировок во всех известных документах XI—XII и более поздних веков свидетельствует об этом⁷⁵.

Нормы канонической грамматики старательно соблюдаются в нашем тексте, хотя и не всюду безупречно. Маъдар اعتقاد на строке 37 согласован с определением в женском роде. Трижды (строки 44, 45, 48) причастие от глагола اشتمل поставлено в одинаковой форме после слов ديهچه, دار, بيت. Поскольку два слова здесь женского рода, а третье — мужского, то очевидно, что в тексте нарушено согласование в роде. Правда, само причастие написано таким образом, что неясно, читать его в м. р. مشتمل или в ж. р. مشتملة. В фразе على حجرة واحدة دوار القائمة بالاتها (строки 48—49), если только нам удалось правильно ее прочесть, налицо нарушение согласования в состоянии. В одинаковом контексте поставлены ضياع (мн. ч.) и عقار (ед. ч.) Вместо правильного مجارى в окончании мн. ч. неопределенного состояния мы встречаем (строка 134) написание مجارى.

Из-за длинных перечислений предложения оказываются порой очень растянутыми, их внутренние связи — ослабленными; нечеткость, незавершенность синтаксических конструкций создают впечатление того, что нить изложения утрачена составителем и прослеживается далее с трудом. Например, сказуемое в строке 35 управляет именем с предлогом на строке 38 и местоимением с тем же предлогом на строке 42!; развернутые определения к имени бухарского верховного казая, включая славословие его сюзерену и предкам последнего, заняли 19 строк убористого наста'лийка! Отмеченные стилистические моменты и отклонения от нормативной грамматики не позволяют, однако, говорить о существенных языковых особенностях нашего документа. Те языковые затруднения, с которыми мы сталкиваемся при интерпретации настоящего документа, скорее связаны со строем арабского языка, недостатками его графической системы, многозначностью и неопределенностью некоторых слов и выражений и т. п.

В области лексики документ обнаруживает некоторое своеобразие: в нем употребляются заимствованные из персидского слова

⁷⁵ См., например: Mohamed Khadr, Deux actes de waqf d'un Qarahānide d'Asie Centrale, avec une introduction par Claude Cahen, — «Journal Asiatique», t. CCLV, 1967, fasc. 3—4, стр. 305—334; О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965.

باغچه و ديهجة, а также не зафиксированное в словарях арабское слово مسديات, видимо искусственно созданное для перевода персидского слова *urd* (если только мы не ошиблись в его чтении).

Арабский вариант документа переписан довольно крупным на­с­х­ом, уверенной рукой опытного писца. Однако если мы присмотримся к очертаниям букв, то увидим, что переписчик не очень заботился о соблюдении правил каллиграфии. Буквы часто несоразмерны по величине, начертание одних и тех же или сходных букв значительно варьируется, расстояния между словами и строками неодинаковы. В особо выделяемых местах текста насх становится очень крупным и напоминает сулс, т. е. торжественно-декоративный почерк. Иногда же, напротив, некоторые буквы становятся мелкими. Часто писец переходит к скорописи и допускает весьма вольные начертания и соединения букв, искажающие последние до неузнаваемости.

Из частных палеографических особенностей документа можно отметить следующее. *Лām* конечный и отдельный пишется в ряде случаев не закругленно, а почти под прямым углом (см. факсимиле, строку 43, слова *تل عال*). Иногда очень крупно выписывается верхняя характерная часть букв '*айн*' (см. строки 54 и 61) и '*хā*' (строка 60), хотя в большинстве случаев они бывают обычного размера. *Алиф* пишется не как прямая или изогнутая палочка, а с характерным загибом нижней части влево. В одних случаях *алиф* с загнутым низом отчетливо остается отдельной буквой (как ему и полага­ется), в ряде других случаев он соединяется со следующей буквой (строка 36, слова *اطيب* и *املاكه*, 126 — *ان*, 144 — *خدامه*, 145 — *ازيدها*, 147 — *ارتقاغاته*, 148 — *أجرائها* и др.).

Не всегда такое «неправильное» соединение вызывает трудности в понимании текста, но когда *алиф* сливается со следующим за ним *лāmом*, подчас нельзя отличить, имеем ли мы дело с артиклем или с сочетанием предлога *ли* с артиклем (см. строку 57, где неясно, читать *العام* или *للعام*; строку 138 — *الوجوه* и др.). Нередко встречается конечный '*йā*', загнутый вправо (см. строки 45 и 48 — *على*, 46 — *للسكنى*, 47 — *سكنى* и *صيفى*, 52 — *يحصى*, 57 — *الشرقى*, 66 — *قاضى* и др.). Такое же написание имеет дважды слово *مشملة* (?*مشملة*), (см. строки 45 и 48). Также загибается вправо *лām* с последующим '*хā*' или '*тā*' *марбута* (см. строку 173 — *نسله*). *Алиф* конечный против обычных правил соединяется в ряде случаев с последующей буквой (см. строки 37 — *صادقة* и *اعتقاد*; 44 — *خالص ماله*; 54 — *خالية*, 64 — *الشمالى*, 124 — *كمالها* и др.). «Незаконными» считаются и такие встречающиеся в нашем тексте лигатуры, как соединение *вāва* (конечного или отдельного) с последующим '*рā*' (см. строки 66 — *لورثة*, 126 —

Введение

المذكور, 127 — المذكورة, 148 — اجور), с *xā'* (строка 40 — ماؤه), с *dālem* (41 — نخود ديزه — 129, بخودوها — 129); соединение *dālia* со следующим алифом (см. строки 126 — دامت, 133 — داخل), *zālia* и *zā'* с *xā'* (41 — ديزه, 45 — هذه и др.), *lāmaliḡa* с *zā'* (строка 136 — لازمة). Буквы *ṣīn* и *šīn* пишутся то с тремя зубчиками (строки 40, 42 — дважды, 51, 55, 60 и др.), то вытянутой линией без зубчиков (строки 36, 45 — трижды, 46, 47 — дважды, 48 и др.).

Согласная буква *хамза* зачастую вовсе опускается в письме. Точки, служащие знаками для различения букв, имеющих одинаковое начертание, проставлены в тексте далеко не везде, где они требуются. Еще менее полно снабжен текст дополнительными знаками, обозначающими краткие гласные (*a*, *i*, *u*) или ноль гласной при согласном, долготу или непроизносимость алифа, удвоение согласного, падежные окончания имени в неопределенном состоянии.

В заключительной части документа, где воспроизводятся скрепившие его подписи, наблюдается большое разнообразие неразборчивых почерков.

Совокупность отмеченных особенностей делает чтение и перевод текста нелегким, порой проблематичным. Иногда текст угадывается лишь благодаря параллельному персидскому переводу.

Все лакуны и непрочитанные места, сомнения и колебания в чтении и интерпретации документа нашли отражение в постраничных сносках к арабскому тексту и к русскому переводу. Наличие факсимиле позволит читателю проверить в нужных случаях работу подготовителей.

Дошедшая до нас копия персидского перевода была переписана в конце XVIII в., что явствует из ее палеографического облика и приложенной в 23 местах (на склейках листов бумаги и в конце текста) круглой печати эмира Ма'сūма (Шах-Мурада), правившего в Бухаре в 1775—1800 гг. Ширина бумажной полосы, на которой написан персидский перевод, — 37 см, длина — 635 см; на лицевой стороне размещено 189 строк, красиво и четко написанных почерком наста'лий. На обороте никаких текстов или печатей не имеется.

Как упоминалось, персидский перевод сохранился в более полном виде, чем арабский текст, но и его начало утрачено. Заглавие, предшествующее первой, неполной строке перевода, состоит из слов: *Вақфийа-йи ду масджид-и Хамине*. Оно написано, по-видимому, в начале XIX в., когда бухарский археограф, имя которого не упомянуто, составил свиток из 19 разновременных документов, дал каждому документу краткое заглавие и написал в начале свитка нечто вроде своеобразного оглавления. Поскольку в трех пунктах этого «Оглавления» говорится, что к документам приложена печать «государя, упокоившегося в раю», т. е. уже умершего в момент

составления «Оглавления», а в соответствующих документах находятся оттиски круглой печати эмира Ма'сума (Шах-Мурада, ум. в 1800 г.), мы относим к началу XIX в. все «Оглавление» и написанное, по-видимому, тою же рукой заглавие персидского перевода. Заглавие столь позднего происхождения не включено нами в счет строк персидского перевода.

Как уже было сказано, в персидском тексте не содержится перевода «столбцов» — подписей свидетелей, т. е. удостоверительной части, сохранившейся только в арабском фрагменте (строки 202—235). Вместо нее после завершающей документ даты, которая написана по-арабски и в персидском фрагменте, в последнем помещено «Примечание» переписчика, датированное месяцем раби II 1071 г. х. (между 4 декабря 1660 и 1 января 1661 г. н. э.)⁷⁶. Из «Примечания» видно, что наша копия персидского перевода переписана непосредственно (или через промежуточные копии) с копии 1660-61 г., которая была сличена с оригиналом *нусха-йи асл*. Что именно разумеется под этим «оригиналом» — персидский перевод или арабский оригинал, неясно. Мы можем только заключить, что персидский перевод был сделан не позже 1 января 1661 г., а возможно, и гораздо раньше.

В начале арабского фрагмента на правом поле сверху вниз написано окончание *ривайата* (заклучения муфтия о правильности вакфа), начало которого находилось в утраченной части документа. В этой полустертой, крайне неясной строке скорее угадываются, чем читаются, слова: *وقفیه علی صادرین ... شرعاً او لا بینوا و توجروا*. «Этот вакфный документ в пользу странствующих [паломников] законен или нет? Объявите, и да наградит вас [Аллах]!»

Мы можем с уверенностью определить содержание этой надписи благодаря сравнению с *ривайатами* позднейших бухарских документов, занимавшими в них то же место на правом поле и содержащими обязательные для каждого *ривайата* заключительные слова: *بینوا و توجروا*⁷⁷.

Затем следуют две короткие строчки; по аналогии с позднейшими *ривайатами* в них должны содержаться ответ на поставленный

⁷⁶ Мы переместили это примечание переписчика в конец критического текста, так как оно содержит самую позднюю дату. Следующий за ним *сиджилл* от 9 февраля 1299 г. был переписан ниже примечания 1660/61 г., вероятно, потому, что в арабском оригинале *сиджилл*, как это явствует из строк 233—235, был написан на обороте документа, а копиист XVIII в. переписал сначала все, что было написано на лицевой стороне, в том числе и примечание 1660/61 г., а затем уже написанное на обороте.

⁷⁷ См.: Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович, под ред. А. К. Арендса, Ташкент, 1954, документы № 5, 14, 15, 21—23, 25, 26, 28 и 30—37.

Введение

в *rivāyate* вопрос (законна ли эта вақфная грамота) и подпись муфтия. Так как только последние слова в каждой из этих строчек читаются более или менее уверенно, мы можем предложить в качестве гипотезы следующее их чтение: *فى الشهود و اماجد ابو الحسن ابن اصيلى*.

Нисба «Асйли» встречается в нашем документе вторично в строке 235.

В строках 236–265, сохранившихся только в составе персидского фрагмента, хотя и написанных в основном по-арабски, содержится *сиджилл* — акт об утверждении вақфа бухарским верховным казием Мухаммадом, сыном Мухаммада, сына 'Умара, сына Махмуда, от 6-го числа месяца джумады I 698 г. х., т. е. 9 февраля 1299 г. н. э. В дошедшей до нас копии персидского перевода он написан на лицевой стороне свитка, но из содержания строк 233–235 арабского фрагмента видно, что в арабском подлиннике и первой его копии *сиджилл* был написан на обороте.

В двух древнейших списках бухарских вақфнаме мавзолея Сайф ад-дина Бахарзи от 1326 г. аналогичные *сиджилли* действительно написаны на обороте. В одном из них говорится:

وامرت بكتابة هذا السجل على ظهر الصك

«И приказал я написать этот *сиджилл* на оборотной стороне документа»⁷⁸.

То же самое сказано и в нашем *сиджилле* 1299 г., несмотря на то что в дошедшей копии он написан на лицевой стороне свитка⁷⁹.

V

Публикуемый документ был найден в составе целого свитка, склеенного из двадцати отдельных документов XIII–XIX вв. Документы были написаны в разное время, на листах бумаги неодинакового размера и качества и склеены позднее в один свиток, общая длина которого около 23 м. Ширина первых шести документов — от 42 до 47 см, они склеены друг с другом по горизонтали, тогда как остальные, более узкие, шириной от 14 до 26 см, частью наклеены попарно на полотно, а частью составили два отдельных свитка, которые затем были склеены по вертикали. Арабский вақфный документ 1299 г. занимает в свитке последнее (двадцатое) место, а его персидский перевод — шестое.

Бухарский археограф, имя которого не упомянуто, составив этот

⁷⁸ Вақфнаме Сайф ад-дина Бахарзи опубликовано в кн.: О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в., стр. 191–195. О термине *сажж* см.: А. G o h m a n n, Einführung und Chrestomathie zur arabischen Papyruskunde, Praha, 1955, стр. 120.

⁷⁹ См. публикуемый документ, строки 263–264.

свиток из разновременных документов, дал им краткие заглавия и написал в начале свитка, на краю сильно потрепанной и уже в наше время реставрированной бумаги, нечто вроде своеобразного «Оглавления» из девяти пунктов.

В некоторых случаях бухарский археограф объединял под одним заглавием несколько документов, связанных между собой по содержанию. Поэтому девяти пунктам «Оглавления» соответствует 19 документов. Двадцатый — персидско-таджикский перевод арабского вақфного документа 1299 г. — вклеен в свиток позже, чем было составлено «Оглавление».

Публикуя в этой книге только два из двадцати документов свитка, мы считаем необходимым хотя бы вкратце осветить содержание остальных восемнадцати и при этом сохранить заглавия, данные им бухарским археографом начала XIX в.

Ниже приведены полностью последовательно пронумерованные нами девять пунктов «Оглавления» и аннотации всех документов свитка. При этом некоторые документы получили буквенные обозначения, так как они вошли в состав групп, объединенных общими заглавиями.

1

وقفية بنت ملا عبد الوحيد عليه الرحمة بروح * حضرت مصطفوی صلوة * بمهر قاضی
میر عبدالله

«Вақфный документ дочери муллы 'Абд ал-Ваҳида, да будет над ним милость [Аллаха], [для молений] духу святейшего Избранника, с печатью казия Мир 'Абдаллаха».

Под этим заголовком на первом месте (по мере развертывания свитка) находится вақфнаме 1224/1809-10 г. на 25 *танъов* земли в маузи' Қаср-и Мансӯр Ҳақ-и Мулла Мир из числа относящихся к бухарскому Сәмджану. В вақфнаме названо только отчество учредительницы вақфа, которая назначила распорядителем своего пожертвования (*мутавадлий*) царствующего эмира Ҳайдара, чьей миндалевидной печатью засвидетельствован этот акт. Кроме нее на вақфнаме имеется еще восемь оттисков разных печатей.

Подлинник, размер — 47×34 см.

** Написано наверху листа, отдельно. Место этой вставки обозначено в строке оглавления знаком выноски.

2

وقفية اولاد و سهم آشن و مدرسه و خانقاه و مقصوره خوانی چهار بکر بمهر
حضرت جنت مکانی

Введение

«Вақфный документ [в пользу] потомков, с [определением] доли для [ритуальных] угощений и на содержание медресе, ханақах и чтецов Корана Чахърбакра, с печатью государя, упокоившегося в раю»*. (Это заглавие относится к четырем документам: «а–г».)

а) I джумада 968 г. х./ 18.I–16.II. 1561 г. н. э. Вақфнаме джуйбарского шейха Ходжа Мухаммад Ислама** на многочисленные земли, целые селения и две мельницы в западных окрестностях Бухары в пользу потомков учредителя вақфа и на содержание мазъара, мечети и медресе в Сумитане (Чахърбакр). Для вознаграждения чтеца Корана кроме денег и пшеницы в этом вақфе выделяется еще 50 *танабов* земли. Для обслуживания учреждений вақфа покупается два раба. Землю этого вақфа разрешается сдавать в аренду на срок не более одного года. В документе упоминается мера веса — *манн*, равная весу всего мяса одного барана.

Копия конца XVIII в., размер 43,4×1030 см. Начало утрачено.

Печать эмира Ма'сума (Шах-Мурāда, 1785–1800) приложена 37 раз (на склейках бумажных листов и в конце). Копии документов «б», «в» и «г» переписаны на той же полосе бумаги, подряд.

б) Ша'бан 1096 г./ июля 3–31 1685 г. Вақфнаме Хасан-ходжи, сына шейха Джуйбарй, на земли *милк-и дахйакй* в бухарском *тумане* Камат, в пользу чтецов Корана на могиле дочери учредителя вақфа и другой женщины в Сумитане. Земли этого вақфа разрешается сдавать в аренду сроком не более чем на три года; запрещается великим *садрам* и *общим мутаваллийам* взимать из доходов этого вақфа *хакк ас-садаре* и *зъбитане*; в качестве основания приводится цитата из «Хидан».

Копия конца XVIII в. с печатями эмира Ма'сума (Шах-Мурāда), переписанная на одной бумажной полосе с предыдущим документом.

в) Без даты. Вақфнаме Агаджан-Бигйим, дочери Ходжи Хасана, которая обратила в вақф целое селение Кумиджкйнт в бухарском *тумане* Камат и другие земли с *афдаком* в *тумане* Па'йи Руд Бухары на содержание семейного мавзолея и устройство поминальных угощений. В документе упоминаются земли *мамлака-йи пādшāхй*, отданные (*ба йāбисй*) в распоряжение (*ба тасарруф*) отдельным лицам.

Копия конца XVIII в. с печатями эмира Ма'сума (Шах-Мурāда), переписанная на одной бумажной полосе с предыдущими двумя документами.

г) Ша'бан 1068 г./ май 1658 г. Вақфнаме 'Ибадаллāх-ходжи на земли селения Саййидан в бухарском *тумане* Па'йи Руд в пользу находящегося в Сумитане мавзолея сестры учредителя вақфа. В документе упоминаются земли *мамлака-йи пādшāхй ра'ийатй*, находящиеся в распоряжении (*ба тасарруф*) отдельных лиц, и земли *мамлака*, находящиеся *ба ра'ийатй* в распоряжении других лиц.

Упомянуты бухарские монеты: *تنگه نقره سره یکمقالی کهنه ده شش بده* (О них см.: Е. А. Давидович, История монетного дела..., стр. 93–100.)

Копия конца XVIII в. с печатями эмира Ма'сūма (Шāх-Мурада), переписанная на одной бумажной полосе с предыдущими тремя документами.

* Имеется в виду эмир Шāх-Мурад (1785–1800), так как печать с его именем приложена к этому и следующим документам.

** О нем см.: В. Л. Вяткин, Шейхи Джуйбари, I. Ходжа Ислам, — сб. «В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 3–19; Из Архива шейхов Джуйбари, Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века, М.—Л., 1938; П. П. Иванов, Хозяйство Джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XVII вв., М.—Л., 1954.

3

وقفیه مقصوره خوانی عوض میر آخور باشی بمهر حضرت جنت مکانی

«Вақфный документ [в пользу] чтецов Корана [за упокой души] 'Иваза Мирахурбаши с печатью государя, упокоившегося в раю».

Без даты. Вақфнаме дочери Йўсуф-бая на 45 *танабов* земли *милк-и хāлиф* в маузи' Хачат-Хайрабадского *тумана* в пользу мазары 'Иваза Мирахурбаши, находящегося у Мазарских ворот Бухары.

Копия конца XVIII в., размер 45×33 см. Печать эмира Ма'сūма (Шāх-Мурада).

4

مسجد نوکدی خیراباد بمهر حضرت جنت مکانی

«[Документ] мечети Наукади Хайрабада с печатью государя, упокоившегося в раю».

1214/1799–1800 г. Акт о возобновлении вақфа в пользу соборной мечети селения Наукаде бухарского *тумана* Хайрабад на 16 *танабов* земли *хурр*, свободной от *харādжа*, расположенной в том же селении, среди *харādжных* земель, находящихся в распоряжении обрабатывающих их крестьян (*дар тасарруф ба кāрандагй*). В акте зафиксирован *та'амул* — обычные нормы распределения доходов этого вақфа.

Подлинник, размер 45×40 см. Печать эмира Ма'сūма (Шāх-Мурада).

وقفية مقصورة خوانی مهتر عالم بمهر قاضی خواجه عزیز وچند وثیقه دیگر

«Вақфный документ [в пользу] чтецов Корана [за упокой души] михтара 'Алима с печатью казия Ходжа 'Азйза и несколько других документов». (Это заглавие относится к следующим восьми документам).

а) 1193/1779 г. Вақфный документ в пользу чтецов Корана на могиле михтар-и калән Мухаммад 'Алима, сына муллы Мухаммад Амйна, который сам заблаговременно построил для себя мавзoley из обожженного кирпича за воротами Намāзгāх г. Бухары и отдал в вақф 40 *танāбов* земли *милк-и хāлиқ* неподалеку от мавзолея и 24 *танāба* земли *милк-и дахйакй* в маузи' Қāзбанāн тумāна Пā-йи Рӯд Бухары.

Подлинник, размер 42×188 см. Весьма парадно оформленный акт каллиграфически написан черными, красными и золотыми чернилами. Текст заключен в рамку из синих и золотых линий и наклеен на полотно.

39 оттисков печатей разных лиц, в том числе пяти казиев, на-ходятся у окончания вақфнāме, подтвердительного постановления и ривāята (*фатвā*), т. е. заключения муфтиев о правильности вақфа.

б) 1133/1720-21 г. Купчая верховного казия Бухары по имени Мир Абӯ-л-Баракāt ал-Хусайнй, купившего у ходжи Бақā, сына ходжи Ризā, 8 *танāбов* земли *милк-и дахйакй* в маузи' Фāракйнт бухарского тумāна Рӯд-и Шахр за 12 золотых *ашрафй*.

Подлинник, размер 14,5×22 см, написан особо красивым почерком *насх* и заверен круглой печатью, 3,9 см в диаметре, с текстом, не поддающимся прочтению и подписью-монограммой Ибрāхйма, сына казия Мир Фазл...

На обороте в правом верхнем углу более поздняя помета: *Чак-и замйн-и Фāракйнт*.

в) Раби II 1182 г./15.VIII—12.IX. 1768 г. Купчая михтара Мухаммад 'Алима, сына Мухаммад Амйна, купившего у Мухаммад Ризā-шейха, сына Бахāдур-шейха 6 *танāбов* земли *милк-и дахйакдār* с 60 корнями винограда (*кунде-йи тāk*) и другими деревьями в маузи' Қāзбанāн тумāна Пā-йи Рӯд Бухары за 5 золотых *ашрафй*.

Подлинник, размер 16×22,7 см, заверен круглой печатью верховного казия Мир Низām ад-дйна, сына Мир Хамйд ад-дйна Ходжи ал-Хусайнй, и подписью-монограммой сейид Мухаммада.

г) Шаввал 1178 г./28.V—25.VI. 1759 г. Купчая муллы 'Алим-джāна, сына муллы Мухаммад Амйна, у сеййда Мир Абӯ-л-Файз-ходжи, сына йшāна Мир Абӯ-л-Бақā-ходжи ал-Хусайнй, на 18 *танāбов* земли в маузи' Фāракйнт тумāна Пā-йи Рӯд Бухары за 40 золотых *ашрафй*.

Подлинник, размер 20×23 см, заверенный двумя овальными печатями с текстом, не поддающимся чтению. На обороте в правом верхнем углу поздняя помета: *Чак-и маузи'-и Казбанан*.

д) Раби I 1133 г./31. XII. 1720—29.I. 1721 г. Купчая верховного казия Бухары эмира Абӯ-л-Бараката, сына верховного казия эмира Файзи ал-Хусайни, у наследников Мир Фақиҳ ад-дина-ходжи на девять *танабов* земли *милк-и дахйакӣ* в маузи' Фаракинт тумана Руд-и Шахр Бухары за 33 золотых *ашрафӣ*.

Подлинник, размер 20,7×28 см, заверен печатью казия Мир Абӯ-л-Бараката, сына казия Мир Джалал ад-дина.

е) Раджаб 1166 г./4.V—2.VI.1753 г. Купчая ахунда муллы Нур Мухаммада, сына муллы Пир Мухаммад-бая, у сейидов Наср ад-дина-ходжи Шейхалислама и Рахматаллах-ходжи на 15 *танабов* земли за воротами Намазгах г. Бухары за 110 золотых *ашрафӣ*.

Подлинник, размер 21,5×29 см, заверен круглой печатью 4 см в диаметре, верховного казия Мир Низам ад-дина, сына Мир Хамид ад-дина.

ж) Сафар 1193 г./18.II—18.III. 1779 г. Купчая михтара Мухаммада 'Алима-михтар-и калан, сына муллы Мухаммада Амйна, у наследников Нур Мухаммада на 40 *танабов* земли за воротами Шейхджалал и Намазгах г. Бухары, и сукнийат Рабата, находящегося на земле потомственного вақфа, за 241 золотой *ашрафӣ*.

Подлинник, размер 22,5×44 см, заверен двумя печатями: 1) круглая, 4 см в диаметре, верховного казия ходжи Надира, сына казия ишан-ходжи Шейх-Мухаммада; 2) овальная, 2,6×1,8 см, Мухаммада Каландара, сына Мухаммада Талиба-ходжи ал-Хусайни.

з) 1176/1694—1782 г. Купчая муллы Нур Мухаммада, сына муллы Пир Мухаммада, у дочери ишана Мухаммад Хашим-ходжи на 20 *танабов* земли и болото (*кул*) выше Намазгаха г. Бухары за 70 золотых *ашрафӣ*. Упоминается *افندق قلعة شهر بخارا*.

Подлинник, размер 18×22 см, заверенный круглой печатью, 3,8 см в диаметре, верховного казия Низам ад-дина, сына Хамид ад-дина-ходжи ал-Хусайни.

6.

وقفية مسجد موضع خوشيار خيراباد

«Вақфный документ мечети местности Хушйар Хайрабада».

1233/11.XI.1817—30.X.1818 г. Вақфнаме Ир-Назар-бек-бия, сына убежища начальствования (*амарат-панях*) Танг Атира *дадхвях*, в пользу мечети Хай Чубкари маузи' Хушйар на 15 *танабов* земли *милк-и хурр* в маузи' Хушйар тумана Хайрабад г. Бухары, рядом с *танхвях* учредителя вақфа и землями *мамлака*, отданными *ба карандагӣ*.

Введение

Подлинник, размер 24×87 см, заверен миндалевидной печатью, 1,2×1,4 см, сейда эмира Хайдара, приложенной трижды.

7

وقفية مقصورة خوانی ملا ایر نظر بی بمهر حضرت دور سمطانی

«Вақфный документ [в пользу] чтецов Корана [за упокой души] муллы Ёр Назар-бия с печатью господина Дур Симтани(?)».

Рамазан 1233 г. /5.VII—3.VIII. 1818 г. Вақфнаме Ёр Назар-бек-бия, сына Танг Атира *dādxvāx*, в пользу потомков на 20 *танāбов* земли *милк-и хурр* в мауэи' Джуй-йи Му'мин *тумана* Хайрабад г. Бухары.

Подлинник, размер 24×87 см, заверен миндалевидной печатью, 1,2×1,4 см, сейда эмира Хайдара.

8

وصیت نامه عالم جان بمهر قاضی میرزا فضیل

«Завещание 'Алимджана с печатью казия Мйрзы Фузайла»*.

Рамазан 1210 г. /10.III—8.IV 1796 г. Васийат-наме муллы 'Алимджана, сына муллы Мухаммад Садиқа, предписывающее употребить 6000 *ашрафӣ* из имущества, которое останется после его смерти, на покупку хорошей земли в вилайете Бухары и обратить ее в вақф могилы Шах-Кулала.

Подлинник, размер 26×45 см, написан крупным, грубо-торопливым почерком на кокандской бумаге.

Печать круглая, 3 см в диаметре, с текстом: Мйрза Мухаммад Фузайл, сын Мйрзы Мухаммад Амйна.

* Казий Мйр Мухаммад Фузайл, сын Мйр Мухаммад Амйна, известен по другим документам из Бухары конца XVIII в. См., например, док. № 388 Бухарского музея (купчая на землю в окрестностях Бухары от 1795 г.).

9

وقفية اولادى عربى نامش غير معلوم كهنه

«Старинный вақфный документ в пользу потомков некоего араба, имя которого неизвестно».

Под этим заглавием в «Оглавлении» числится публикуемый нами арабский фрагмент 1299 г. Его персидский перевод в «Оглавлении» не числится, так как он вклеен между документами № 2 «г» и № 3 уже в наше время.

Из «Оглавления» видно, что старинный арабский документ уже в начале XIX в. находился в свитке на том же последнем месте, как и теперь.

Введение

«Оглавление» завершается своеобразным итогом: «Всего 9 (девять) штук» — *حده ٩ عدد*.

Нам неясно, по какому принципу подбирались документы, составившие один свиток; хронологической последовательности в нем нет. Как видно, хронология настолько не интересовала составителя свитка, что он не включил в свое «Оглавление» ни одной даты. Географическое единство тоже не выдержано. Первый и последний документы относятся к бухарскому *туману* Сāмджан, второй («а» «б») — к Сумитану в западных окрестностях г. Бухары, третий, четвертый, шестой, седьмой — к бухарскому *туману* Хайрабад; *Вакфийа* Михтара 'Алима и семь приложенных к ней купчих относятся к местности, непосредственно прилегающей к южным воротам г. Бухары, называемым в этих актах воротами Намāзгāх и Шейх-Джалāl, а также к маузй' Кāзбāнāн в *тумане* Пā-йи Руд и маузй' Фāракйнт в *тумане* Руд-и Шахр*.

* В документе № 5 «г» Фāракйнт относится к *туману* Пā-йи Руд! Возможно, это ошибка писца.

SUMMARY

The present publication contains a waqf document of 1299 A. D. from Bukhara. The document shows that the waqf-founder was a certain 'Abd ar-Rahīm [ibn] Muḥammad ibn 'Abdallāh Isfijābī known by the nickname Jalāl ad-dīn al-Bāmrūnī. He was one of the „men of sword and pen“, i. e. a military and an official. In the document he is called *ṣadr*, emir and imam, the pillar of the sultan, etc. He was also a shaikh of Isfijāb (Istijābī in the text). He had bought a whole village of Dīh-i Khamīne (Khamane) with surrounding well-irrigated lands in Sāmjan, a *tūmān* of Bukhara, some time before 1299. A special canal had already been dug from the river of Sāmjan to irrigate the lands; the canal was supplemented by water brought in limited quantities from other canals which belonged to settlements of Nau-faj, Parkad, Nukhūddize, Margāsūn, Khushā'fagana and Faganiya. In Central Asia such an abundant irrigation led to a considerable increase in the value of the property. This village was situated on a high hill, at the foot of which the founder of the waqf built a smaller village (*dīhcha*) at his own expense. According to the document, in the new village he built a house with *ṣuffa* and verandah (*aywān*), a yard, and behind it he created a garden or vegetable garden (*bāgcha*), as well as numerous living buildings, two mosques, one for the summer and one for the winter, „good“ dwellings for labourers, stables, heylofts, a mill, and several textile workshops (*maḥākāt*, *bāfande-khāne*).

The fact that the waqf-founder built two mosques indicates that the village was populated by Muslims. At the same time, the fact that he built dwellings for the labourers suggests that the latter were tied. Unfortunately, the term used to designate them has been preserved only in its Persian translation – *kārande*. Judging by its etymology and usage in other Central Asian documents, *kārande* may be most properly applied to tenants.

The fact that a noble bought a whole settlement and built another one near it, including erection of a *dār*, new houses (*buyūt*), other dwellings (*manāzil*), and, especially, at least three textile workshops and a mill in a region near Bukhara, is evidence, in our opinion, of a revival of economic activity and population growth there. The building of the village at the foot of the hill and not atop, as the previously bought one had been most probably due to defensive

Summary

measures, seems to indicate a change in the socio–political situation in the end of the 13th century.

The document describes in detail the frontiers of the feudal *dār* and appropriated lands partially under corn and barley and partially vacant but well prepared for cultivation or building. Among others there are mentioned gardens and vineyards (both old and new), artificial tanks or cisterns (*hauz*, Arabic *ḥawḍ*) and canals (*nahr*), planted woods, etc. It also lists some adjacent villages, canals, roads and the *milk*-lands of feudals as emirs, qāḍis, shaikhs.

The document also throws light on characteristics of the ancient institute of waqf as it had been kept after the Mongol invasion and occupation. It tells that early in 1299 the waqf-founder withdrew the above-listed property from civic legal circulation and made the waqf of it, i. e. forbade forever its sale, donation, inheritance, etc. Not only lands, gardens and waters became the waqf but so did houses, mosques, mills, workshops, etc.

According to the listed in the document conditions, the whole of the waqf property remained in services of its founder untill his death, whereupon it was to pass on to his son Quṭb ad-dīn Yūsuf who was eight years old at the moment of the waqf-foundation. Later on the role of the waqf-manager (*mutawalli*) was to pass on to his offsprings and only in case of the lack of such to other heirs of the waqf-founder. The pious motive of the waqf-foundation was raising of money for maintenance of two new mosques and an old shrine – the *mazār* of Khoja Khamine.

Being at variance with most of hitherto known Central Asian waqfs, the present one provided that the imam and muezzin as well as illumination and cleaning up of the mosques and mazar were to be paid from revenue of particular lands, and not from a part of the whole revenue of the waqf, those lands were of the following sizes: the imam – 10 *ṭanābs*; the muezzin – 4 *ṭanābs*; maintenance of the *mazār* – 10 *ṭanābs*; restoration of a mosque – 2 *ṭanābs*; oil for two mosques – 2 *ṭanābs*; pilgrims keep up – 10 *ṭanābs*; etc. The document indicates where each of the land lots was and gives description of their limits.

The place of the villages and lands of the waqf may be determined due to some toponyms extant today and some others mentioned in historical sources. The geographical region under question is situated to about 25 km to the north-west of Bukhara. The document helps to elucidate that the Samjān *tūmān* was situated in the territory of the Romitan district of the Uzbek S.S.R., i. e. to the north-west, and not to the east as V. V. Barthold thought, of Bukhara, neither on the Karaqul-Darya River as O. G. Bolshakov suggested.

The village of Khamine had arable lands (*diyā'āt*) and cultivated

Summary

or occupied lands (*'aqārāt*). Among them there are mentioned old and newly planted gardens and vineyards (Arabic *kurūm*, Persian *bāghā*), singular plants, water cisterns and many ploughed lands, which are not enumerated due to their large quantity, also due to the partial lack of marking stones. The latter suggests that the lands of the Khamine village had belonged to various proprietors. In the period preceding the waqf foundation, i. e. in the 13th century, the marking stones were lost. It might have been caused by the loss of rights on them by their proprietors or such a fall of their revenue which could make their cultivation useless as well as the marking of them. This was probably due to excessive taxation.

The term of *'aqār* is being used in the present document to designate the populated terrain on the hill and its foot and the lands occupied by the new village.

Thus the document proves the earlier argument of one of the present authors (O. D. Chekhovich) that the terms *diyā'* and *'aqār* in medieval Bukhara served for differentiated types of land, the former being arable lands outside the village. Such division into two categories may be found subsequently in historical sources from the 10th to the 15th century (cf. Narshāhī, Ḥāfiz-i Abru, the documents of the 14th century from Bukhara published by O. D. Chekhovich in Tashkent in 1965, etc.).

The present document cites some highly placed notables of Bukhara known through other historical sources. Among them the supreme qāḍī Abū-l-Faḍl Muḥammad ibn Muḥammad ibn 'Umar ibn Maḥmūd al-Bukhārī who in a month after the foundation of the waqf decreed its lawfulness and its coming into vigor (*siḡill*). His son, Muḥammad ibn Muḥammad ibn Muḥammad Abū-l-Ḥamd Ashraf was the scribe of the document itself in 1299, and in documents dated by 1326–1333 he was mentioned as the supreme qāḍī who inherited that post from his father. The latter had been appointed to it by Ṣadr-i Jahān under the name of Abū-l-Makārim Muḥammad ibn Abī-l-Maḥāsin al-Ḥasan ibn Ṣadr-i Jahān al-Maḥāmid ibn Muḥammad, the head of the *Dīwān al-mazālim* and the *shari'a* affairs in all of Mawarāannahr. This representative of the Bukharian dynasty of *ṣadrs* is mentioned in the waqfs of 1326 as an important landowner in the eastern neighbourhood of Bukhara, Khauz-i (Khawḍ-i) 'Arūsān-i Kuhne.

The published document is introduced with a survey of the political and socio-economical situation in Bukhara of the 13th century based on the data of Juwainī, Rashīd ad-dīn, Waṣṣaf, etc. and the research made by V. V. Barthold, I. P. Petrushevskii, E. A. Davidovich. This part of the introduction gives some suggestions to the problem of enslaving the conquered population of Central Asia by the Mongols. At the same time terminological significance of *tūmān*,

Summary

hazāra, *şada*, and *daha*, invented by the Mongols to designate administrative and territorial units already in the 13th century (and not under Kepek-khan, according to V. V. Barthold and A. Yu. Yakubovskii), is being elucidated.

The present edition is based on the unique scroll of a draft copy of the Arabic text of the document supplemented with a Persian translation made before 1661. The latter helps to reconstruct the original in the places where the Arabic text is lost. Both are now kept in the Central State Archive of the Uzbek S. S. R. in Tashkent (*fond II-323, opis I, yedinitsa khraneniya N 1429*). The document was discovered by the late member of the scientific staff of the Archive, K. Ubaidullaev.

БУХАРСКИЙ ВАҚФ
XIII в.

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
им. Абу Райхана Беруни
Академии наук УзССР*

Редактор *Л. В. Негря*
Младший редактор *Р. Г. Стороженко*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *О. Л. Щигорева*

ИБ № 13712

Сдано в набор 29.11.78. Подписано к печати 24.08.79. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,28. Уч.-изд. л. 9,63. Тираж 2000 экз. Зак. № 836. Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография изд-ва «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28